

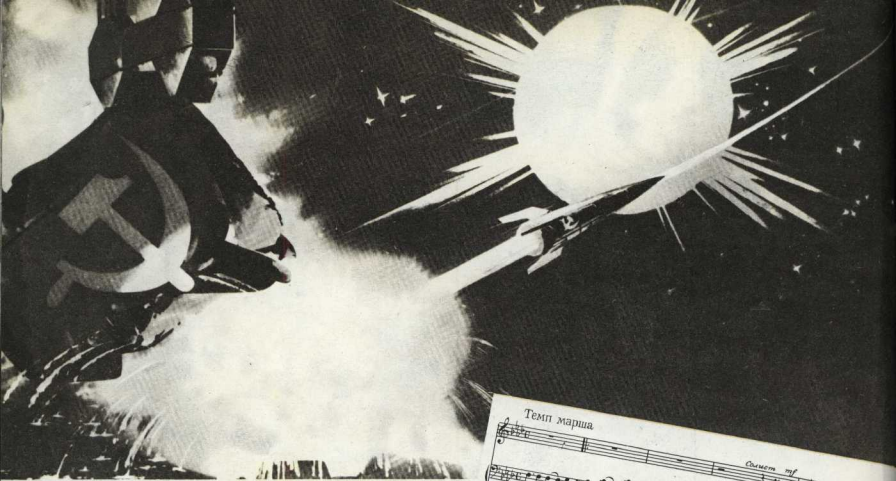

СМЕНА

21

1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Планет В. Викторова (Изюги).

ТЕСНЕЙ ВКРУГ ПАРТИИ РЯДЫ

Слова А. ПРОКОФЬЕВА.

Музыка Бориса КАРАХАНА.

Тесней вокруг партии ряды
Нелободимых сил народных.
Мы нашей партией горды,
Гордимся делом благородным. } 2 раза.

Гордимся, партия, тобой,
Твоею долей величавой,
Твоей великою судьбой,
Твоей навек бессмертной славою. } 2 раза.

Людей труда к себе зови,
А мы вокруг тебя сплотимся
С такою силою любви,
С какою мы тобой гордимся! } 2 раза.

Музыкальная партитура для марша. Включает ноты для голоса и фортепиано. Текст песни и музыкальные обозначения:

Темп марша

Сильно ту
Тесней вокруг партии ряды.

Мед
- ды не по бе- дм. мых сил на- род. ных. Мы на- шей партией гор-

Хор
- ды, гор- димся де- лом бла- го. род. ным. Мы на- шей партией гор-

Для повторения | *Для окончания*
- ды, гор- димся де- лом бла- го. род. ным. / - дим. ся.

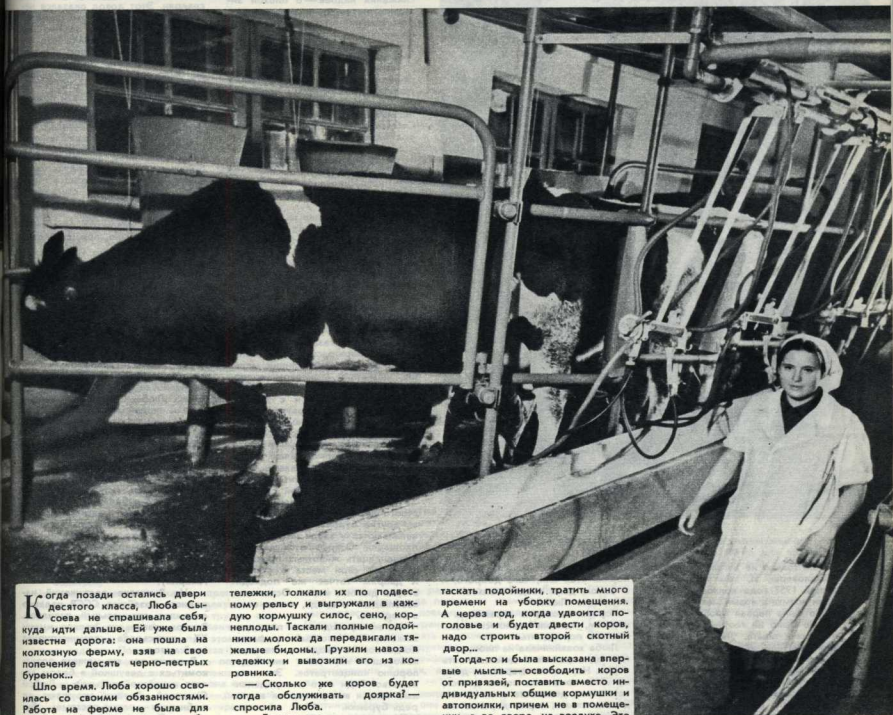
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
Ноябрь. № 21. 1959 год.

Год
издания
36-й.

УДАЧИ ТЕБЕ, ЛЮБА!

Когда позadi остались двери десятого класса, Люба Сысоева не спрашивала себя, куда идти дальше. Ей уже была известна дорога: она пошла на колхозную ферму, взяв на свое попечение десять черно-пестрых буренок...

Шло время. Люба хорошо освоилась со своими обязанностями. Работа на ферме не была для нее в новинку. Еще в годы учебы она частенько приходила сюда, чтобы помочь матери.

Однажды зашел к дояркам председатель колхоза Михаил Позде.

— Ну, хозяйшкн,— сказал он,— будем механизировать ферму. Только надо подумать, как бы получше это сделать.

— А чего думать?— сказала заведующая Мария Бочкова.— Автопоилки, электродойка, подвесная дорога— вот и все. Везде так.

Люба видела такие механизмы в соседнем колхозе. Доярки нагружали там корма в большие

тележки, толкали их по подвесному рельсу и выгружали в каждую кормушку силос, сено, корнеплоды. Таскали полные подойники молока да передвигали тяжелые бидоны. Грузили навоз в тележку и вывозили его из коровника.

— Сколько же коров будет тогда обслуживать доярка!— спросила Люба.

— Только-то!— усмехнулась девушка.— На что же нам такая механизация!

Заговорили все. Начали примерять, подсчитывать, прикидывать. Вышло, что для установки индивидуальных автопоилок и электродойки потребуется метров шестьсот труб. Придется углублять помещение, иначе замерзнет вода, укреплять потолок, чтобы выдержал подвесную тележку. И получалось: меньше чем в двести тысяч рублей не уложиться. А какая же будет выгода! Дояркам все равно придется вручную загружать и выгружать вагонетки,

таскать подойники, тратить много времени на уборку помещения. А через год, когда удвоится поголовье и будет двести коров, надо строить второй скотный двор...

Тогда-то и была высказана впервые мысль— освободить коров от привязей, поставить вместо индивидуальных обшце кормушки и автопоилки, причем не в помещении, а во дворе, на воздухе. Это позволит разместить в коровнике не сто, а двести коров. Ведь кормушки, занимающие столько места, и широкие проходы будут не нужны! А навоз пусть накапливается, перегнивает, сохраняет все питательные вещества. Раз в году его можно вывозить прямо на поля.

Председатель подсчитал, что если не строить типовой коровник на двести мест, а переоборудовать старый, то сэкономится сумма в миллион рублей. Выиграть миллион— это было заманчиво.

Но возникал вопрос: удастся ли обойтись без привязей!

Небывалое начинание обсуждали на ее лад. Самой горячей поклонницей нового метода была Люба.

— Коровы, они же умницы!— убеждала она.— Они все понимают. Ничего страшного не случится.

Другие ужасались: как так отвязать! Да эти коровы съедят колхоз со всеми его потрохами! И доить их не загоишь, и молока дадут меньше... Начнутся морозы— неизбежны будут простудные заболевания, яловость, падеж. А как убирать навоз, когда нет подвесных дорог!

Фото Г. Дубиненого.

Чем только не пугали скептики и маловеры! И, тем не менее, весной 1957 года колхозники решили испытать новый метод.

Это была первая проба в стране. Не было ни теории, ни практического опыта. Люди как бы прокладывая дорогу в неизвестной местности.

Прежде всего вымостили индивидуальные кормушки. В помещении сразу стало просторнее. Потом сняли цепи... Возле коровника огородили выгульную площадку. Здесь под навесом стояли скирды сена. Перед ними установили простейшие деревянные ясли-самокормушки. В стороне поставили такие же ясли для силоса. У стены коровника установили автономный с утешителями, но только не индивидуальными, а общие. На изготовление таких полков ушло всего 80 килограммов железа, и обошлись они в 800 рублей.

Сказать по правде, Люба растерялась, когда коровы, первый раз выйдя на двор, набросились на сено и силос. Привыкшие к скудному району, они с жадно-

стью поедали сочные и грубые корма. «Так они, чего доброго, и в самом деле съедят колхоз!» — подумала Люба.

Коровы проворно ухватились к кормам, едва ли успевали выпить. Настала пора доить.

Люба хозяйничала на площадке, где одновременно доились пять коров. Но, как ни старалась, дело не шло: пока пять коров доится, остальным двенадцати приходить стоять, теряя дорогое пастибщное время.

Нет, не все было гладко: вна-чался силос, как и раньше, приходилось доставать из траншеи и подвозить к выгульному двору вручную. К тому же не ладила дойка...

Минуло лето. Итог не радовал: за восемь месяцев надоя молока снизилась на 30 тонн. Созвали собрание. Первой выступила представитель районского зоотехника Александра Захарова. Отметив, что на снижении надоя колхоз потерял 45 тысяч рублей, она заявила:

— Я не уеду отсюда, пока не прижмете коров.

Тогда из последних рядов до-несся задорный голос Любы:

— Что ж, вам придется посе-литься у нас!

Слово взяла Мария Фадеева, научный сотрудник Института элетротехники сельского хозяй-ства. Она привела интересные дан-ные: за те же восемь месяцев беспривязная система сберегла ферме без малого 10 тысяч тру-додней. В артельной кассе оста-лось 120 тысяч рублей. Выступило несколько колхозников. Все они говорили об истинных причинах снижения надоя — о плохой зи-мовке, нехватке кормов.

Колхозники отстояли новую си-стему.

После этого все внимание было сосредоточено на кормах...

Через год на поля вывелись 3 ты-сячи тонн навоза вместо обычных трехсот. Урожай кукурузы подскочи-ли. Каждый гектар культуры прин-ес 400 центнеров зеленой массы. Собрали с гектара по 45 центне-ров клеверного сена, 27 центне-ров пшеницы, 3 центнера овса.

На ферме повеселили. Колхоз-ники заложили почти тысячу тонн наземного силоса, запасли на всю зиму сено. Ферма заработала чет-ко, слаженно.

И тогда произошло то, что опро-кинуло первую догму скептиков. Видя перед собой огромные стога сена и ряды силосных буртов, коровы перестали жадничать. Они выскочили на выгульный двор, или не торопясь, силос, сено, подходи-ли пить свежую воду. Это дей-ствительно было здорово: коровы «обслуживали» себя без чьей-либо помощи!

Подсчеты показали: на центнер молока теперь расходовалось почти на 30 кормовых единиц меньше, чем при стойловом содер-жании.

Нагладилось дело и с дойкой. Теперь уже не составляло большо-го труда быстро выдотить ста-до в ст. с лишним коров.

Раздается условный сигнал, извещающий о начале дойки. Одна из коров направляется в по-мещение, вторая входит в коров-ник с противоположной стороны. За двумя «электронными», строго держа ряды, выстраивают-ся другие буренки. Первые оста-навливаются у входа на доильные площадки. Открываются двери — и двенадцать животных проворно заминают свои места в станках.

К дверям тотчас же подходит вторая дюжина коров. Остальные, «соблюдая» очередь, миноуют в стороне.

Затем приводит на площадки животных! Условный рефлекс. Когда корова входит в станок, в небольшой кормушке она видит порцию концентратов. Это — лакомство! Ради него в определен-ные часы выстраиваются в оче-редь буренки.

Площадка — это три станка с каждой стороны с траншейой по-средине. Траншея сделана для того, чтобы дойка не набегалась, как прежде. Теперь вым коровы находится на уровне ее рук. Люба ковшом раскладывает порцию концентратов во все станки, алу-скает еще в кормушки. Через на-шланг, открывает кран и теплой водой обмывает вымя, вытирает его полотенцем. Потом надавевает доильные стаканы, включает элек-тродойный аппарат. Через на-вешивает пять минут уже достя-ется все шесте коров. Молоко прямо из аппаратов поступает по трубам в холодильники.

Отдохнувшие коровы гуском выходят в боковую дверь. Их ме-ста тотчас же занимает очередная шестерка. Проходят считанные ми-нуты — и вновь начинают работат доильные аппараты.

Качины же стали надой! При стойловом содержании от коровы получали по 2 590 килограммов молока, а через год, при беспривязном содержании, — на 614 ки-лограммов больше.

Некоторые доказывали, что да-вать новый метод овся и коровы то только для яга, а не для нас, северян. Этот довод оказался не-состоятельным: особенно заметно надой повышался в зимние меся-цы. Практика показала, что коровы боятся не морозов, а сырости и сквозняков. За все время не было ни одного простудного заболевания. Да и откуда жи-быть! Ведь это на привязи корове негде укрыться от сквозняков: она должна лежать на сиром и холод-ном полу!

Маловеры боялись яловости. Но ведь постоянное движение, пребы-вание на свежем воздухе укреп-ляют организм животного и как раз способствуют яловости. Цифры подтверждают: при беспривязном содержании яловость сократилась вдвое по сравнению с тем, что было при стойловый системе.

Удобренный стало раз в десять больше. Навоз накапливается не только в коровнике и телатнике, но и на выгульном дворе. Теперь его уже не убирают вручную. Складывают используют для этого трактор, оборудованный навесным сребром.

Так рождался новый метод, кото-рому суждено широко зашагать по стране. В подмосковной дерев-не Ивановское трудится комсомо-ля Люба Сусова, побывали тысячи людей из разных колхоз-ов. И каждый вочином убеждался в преимуществе беспривязного содержания. Едва ли в помеще-нии, рассчитанном на сто мест, содержится двести коров, и за-креплены они за двумя доярками. Себестоимость литра молока снизилась с 2 рублей до 43 копеек. На производство центнера молока колхоз расходует теперь 3,6 челове-ко-часа, в то время как амери-канские фермеры тратят 4,7 челове-ко-час.

Выходила, обогнала Ивановка Америку!

На Выставке достижений на-родного хозяйства СССР недавно открылся специальный павильон. В этом павильоне колхозницы XX партсъезда демонстрируют свой метод.

В павильоне вы можете позна-комиться с девушкой в Белом за-казе и цветной косынке — Любой Сусовой. Доярку окружают ее любимицы — черно-пестрые бу-ренки. Первая в стране доярка-сотница показывает экскурсантам новый метод в действии. О чем мечтает Люба! Зимой она поступит в заочный сельско-хозяйственный институт. Станет зоотехником. Это — недалекое будущее. А сейчас девушка обдумывает ее комсомольская Люба Сусова. Доярку окружают ее любимицы — черно-пестрые бу-ренки. Первая в стране доярка-сотница показывает экскурсантам новый метод в действии.

Удачи тебе, Люба!

Сем. НОВИКОВ

с. Иваново, Московской области.

РАДИЩЕГО?

Рассказ

Рисунки П. Пинкисевича.

В конце сентября — мы тогда были уже на четвертом курсе — поволился в нашей группе Алла. Как сейчас вижу: нездало до звонка вошла в аудиторию высокая, стройная девушка в расстегнутом серо-голубом жакетке. Высоко держа голову и упросто ступая каблуками, подошла и свободно к столу, негромко сказала: «Здравствуйте!» — и села, положила перед собой маленькую кожаную папку. Кто-то из ребят крикнул: «Нашего полку прибыло!» Потом зазвонел звонок, и в аудиторию стремительной, подпрыгивающей походкой вошел Григорий Александрович, профессор литературы.

Новенькая на последнем курсе — событие редкое. Мы узнали, что Алла Сорочина три года занималась заочно. Так сложились обстоятельства, что и работать ей нигде не пришлось. Родители, коячая по разным городам, не хотели отпускать от себя единственную дочь. Только недавно — из-за этого она даже поссорилась с мамой — добилась перевода в наш основ отделение: «Хоть год побыть настоящей студенткой!»

— Вам известна тема сегодняшних занятий? — спросил Григорий Александрович новенькую.

В аудиторию стало тихо, как на экзамене. Долгозвучный черноволосый Саша Великовский толкнул меня в бок: «Скажи сейчас гонять по всему курсу...» Мы глядели на Аллу, затаив дыхание. Хотелось крикнуть: «Скажи: не знала!» Но девушка не замечала наших взглядов, что-то простодушно-детское мелькнуло в ее голубых глазах, чуть прикрытых тяжелыми темными ресницами.

— Я знала, — ответила она.

— Готовилась?

— Да.

Григорий Александрович минуты три хмуро листал свои записи. Потом его колочий взгляд метнулся на Аллу. И вдруг профессор судно бросил:

— Садитесь.

Что подбавляло от старого преподавателя: спокойная голубизна глаза девушки и ее уверенность и прямота ответа, — трудно сказать, только Григорий Александрович не стал ее экзаменовать. Сама Алла при этом не выразила радости. Полуприкрыв глаза ресницами, отчего лицо ее стало как-то по-особому мягким, грустным и корючим, не спеша опустилась на стул. Похоже было, что она осталась недовольна. «Храбрая девушка», — рассудили мы, и всем она сразу показалась чрезвычайно интересной.

Да Алла и в самом деле была хороша собой: стройная; с замечанными задними волнистыми волосами, высоким лбом и почти бирюзовыми глазами. Только губы, слишком тонкие и всегда плотно сомкнутые, придавали ее лицу какое-то надменное выражение.

Несколько дней нам было достаточно, чтобы разгустить о новенькой ее. Алла много ездила. Ее отец — крупный инженер — строил в то время на Дальнем Востоке какой-то большой, очень важный завод. Она видела его фильмами и спектаклями, выходяще за последние годы. Самые знаменитостей — музыкантов, певцов — слушала не по радио, как мы, а в концертных залах, да еще и по несколько раз. Рассказывала об этом просто, не рисуясь и не хвастаясь, а так, к слову.

Однажды, придя на занятия, она торопливо отстегнула крышку изящной желтой папки и, пряча торжествующую улыбку, достала оттуда синюю бумагу.

— Есть билет на Монтана, — сказала она. — Кто хочет пойти?

Вначале мы подумали, что Алла шутит, но, взглянув на билет, поняли: говорит серьезно.

— А ты сама!

— Я уже слушала.

Тогда по давнейшей студенческой традиции мы решили разыграть билет. Приготовили пятнадцать бумажных квадратиков, на одном из них написали: «Монтана». Каждый подходил и тянул «она счастье». Заветный билет выпал Коле Розову — высокому длиннорукому парню с каштановым чубом.

Розов почему-то растерялся, покраснел и вдруг сказал, что пойти на концерт не может: занят. Мы сразу поняли, в чем дело: Коля не терпел никаких одолжений. Бывало, в какие дни перед студенческой позовшей обедать, скажет: «Уже перекусил»; пригласил в кино — тоже откажется. На втором курсе один серебряный профессор вздумал пожать его и вместо тройки получил четверку. Коля — вдруг простоял и настаивал на том, чтобы в зачетку кинуть ему записки тройку. Потом пересдавал.

Но в тот день отказ Коля нас возмутил, нам даже стало стыдно перед Аллой. Ведь никто не собирался ему дарить билет, просто так — из милости, и настаивал на том, чтобы в зачетку кинуть ему записки тройку. Потом пересдавал.

С приходом Аллы в нашей группе стали частыми разговоры об искусстве, а особенно о музыке. Из неизвестно кто заводил, но к словам Аллы всегда прислушивались. Нам казалось, что она лучше всех чувствует и понимает музыку, жевочис. Да и как было думать иначе, если Алла, не колеблясь, могла пропустить лекцию только ради того, чтобы побезать в магазин, куда поступили грампластинки с новыми произведениями Хачатуряна, Хачатуряна, Штернина... Могла еще — другая простояла в комитете комитета комсомола у репродуктора, когда по радио передавались труднейшие, на наш взгляд, произведения Раваля, а потом восторженно восклицать:

— Не понимаю некоторые его извращенные картины! Но меня они волнуют. Это жесть что-то подлинно французское...

Мы краснели, стыдись, что плохо разбираемся в творчестве Раваля. А Алла, как бы казня нас, продолжала:

— Знаете это место из сонатин? Это жесть чудой! — так она напевала, покачивая в такт белокурой головой.

А то вдруг, едва переступив порог института, она объявляла:

— Девочки (она всегда так обращалась к нам, хотя в группе было восемь парней)! Девочки, появилась новая талант — Штернин... Я вчера слушала его поэму для фортепьяно с оркестром. Он играл для узкого круга. Очень, очень экспрессивно. Он идет в русле классической школы...

Однажды, помню, я сам был свидетелем того, с каким упоением она слушает музыку.

Мы сидели на лавочке в сквере неподалеку от института. Холодный ветер гонял по дорожкам кленовые листья. Связь голые ветви синело небо, по нему бежали белые, тоже колдовские облака. Мы о чем-то говорили, кутались от ветра в воротники пальто. И вдруг замолкли. Глухо, словно под землей, прозвучал аккорд — один, другой, третий... Алла сидела, полуотвернувшись, прикрыва глаза рукой, и казалось, не было для нее в эти минуты ничего более важного, чем музыка. «Наверное, очень хороша девушка», — подумала я.

Звук тавля, снова напильник, как прибыл, и «чудилось», будто кто-то сильный, гордый умирает радом, умирает без жалоб и стонот. И было почему-то жалко, что собственная жизнь, в сущности, только начиналась, что еще не было в ней вот таких же значительных, захватывающих душу событий, о которых рассказывали звуки.

Когда затих последний аккорд, мы вопросительно посмотрели на Аллу.

— Это Чайковский. Канцонетта. — придуршено сказала она.

Мы, безусловно, плохо знали музыку, потому что ажедневно до последнего вечера просиживали в библиотеках над учебниками, дакцивами и редко бывали на концертах. Оттого, наверное, каждый из нас немножко завидовал Алле. И не раз можно было услышать, как кто-нибудь вздыхал:

— Все же здорово — разбираться в музыке!

Возражал Коля Розов. Он говорил:

— Это не главное.

— А что ты считаешь главным! — спрашивал я.

— Человек, для которого создается музыка.

— Ну! — махал я рукой. — Ты лопнишься в открытую дверь.

Нам казалось, что Коля незаслуженно дуется на Аллу, должно быть, он не мог забыть ее «благодетности». Во всяком случае, он держался в стороне и почти не принимал участия в разговорах о музыке.

И вдруг случилась непредвиденная. Перед Октябрьской лекцией Николая подошел к Сорочников после лекции и, вызывающе полевиская глазами, громко сказал:

— Есть два билета на Софроничского. Приглашаю.

Алла взглянула на него сурово, но тут же улыбнулась.

— С чего это ты вдруг!...

— Хороший пианист. Всегда слушаю его концерты.

Мы были удивлены смелостью Николая.

— Так как же! — спросил Коля.

— Что ж, идея, я тоже к Софроничкову неравнодушен.

Вечером они ушли на концерт. О чем там Николай говорил с Аллой, как держал себя, неизвестно. Только стали мы с тех пор замечать: по утрам он особенно тщательно чистит в умывальнике ботинки, аккуратно, чем обычно, завязывает галстук и каждую ночь уютно год матрацем Брюки. Две черз три — четыре у всех на глазах он улет Аллу в кино, потом еще и еще раз. А спустя месяц пришла в институт в новом темно-синем костюме. Костом был неплохой, и Коля в нем выглядел намного интересней, но после покупки он почти перестал обедать в столо-

вон и довольствовался буфетом, где, кроме котлет с ржаным хлебом и чаю, ничего не было.

— Я все-таки не вытерпел, спросил: — Что это ты выдумал щеголять!

Он сказал небрежно: — Случайные деньги. Все равно истратил бы...

Ескоре все прояснилось: Коля подружился с Аллой. Их все чаще и чаще встречали вместе в библиотеке, в читальне, в спортзале. На семинарских занятиях, когда отвечала Алла, Николай беспокойно ловил каждое ее слово. В перерывы они уединялись в коридорах и бродили взад-ом, о чем-то тихо разговаривая. Уже стало обычным, если был нужен Розов, спрашивать Алла: «Где Николай?» У Розова узнавали: «Куда Алла пропала?»

Прожда мы уходили из института всегда вместе. Теперь Николай часто задерживался с знакомым желтым портфельчиком в руках. Он дожидаясь Аллу, которая после занятий звонила домой. Мы иногда шутили: «Коля — настоящий рыцарь!». Он улыбался ситуацию и кивал головой. По-новому светился теплота его глаза, новыми были даже походка, манера говорить. В присутствии Аллы он становился то тихим, то вдруг дурашливо-шумным. Он нас постепенно отдался, и все мы чувствовали: у него теперь появилась вторая, скрытая от других жизнь... Однажды поздно вечером я встретил его в коридоре общежития. Он был в пальто и фуражке, в руках держал сверток с книгами. Вглядываясь в тщательно выброе лицо его, я спросил с улыбкой:

— Свиданье?

Он ответил серьезно:

— Алла просила книги привезти.

— До завтра подождать нельзя?

Николай посмотрел мне в глаза и не удивился — улыбнулся радостно, счастливо.

— Никак...

А потом вдруг заговорил быстро и сбивчиво, без всякой связи с предыдущим:

— Представь, она совсем не знает деревни, никогда не жила там. Я рассказывал ей как мы ездили в ночное, ходили на охоту, за грибами. Для нее это было так интересно! Хотел озабоченно поехать в село — самой все увидеть, пережить...

В его голосе чувствовалось столько навинной простоты, что я невольно расслабился.

— Съездила бы с нами на оленюк, — сразу все узнала.

— Возможно, — покаялся головой Коля и тихо вздохнул. — Она хорошая девушка. Я даже не знаю, как это объяснить. Такой девушкой я еще не встречал, и никогда не встречу. Только у нее одностороннее воспитание. Как она чуток понимает музыку! Бах, Бетховен, Чайковский — для нее это святые имена...

А блока как читает!

Николай впервые так откровенно говорил со мной об Алле, о том, что она интересует его. Улыбнувшись, я заметил:

— Не пойму, чего она пошла в педагогический, ей бы самое подходящее — театральный...

— Поступала. Но кому... Разве проищешь без знания?

Что-то чужое я почувствовал в словах Николая. Хотел было возразить: для таланта, мол, двери всегда открыты, но вместо этого сказал о том, что музыка и педагогу нужна и Алла ведь найдет применение своим артистическим способностям.

— Вот и я об этом говорю, — обрадовался Николай. — Но она твердит одно: я достоина большего...

— Так и говоришь? — насторожился я.

— Да...

— Странно... Что она имеет в виду?

Николай не ответил, задумавшись, потом нервным жестом поправил книги, посмотрел на часы и протянул мне руку.

— Поздно. Пойду...

...

Незаметно промелькнул ноябрь. Наступила зима, морозы, снежная. Хорошо было вечером, подхватив книги, убежать от книг и лекций на каток в парк культуры и, мчась во весь дух по хрустящему льду, слушая как шумит в ушах ветер. Алла с Колей тоже приходили на каток. Только Алла совсем не могла стоять на коньках: ноги не слушались и развезались. Незнакомые ребята презрительно кривили губы, подруги смеялись. Тогда Коля стал ходить с Аллой в парк культуры по утрам, когда никого не было на катке, и научил девушку кататься. Я смею, как она мчалась, Алла и Николай, взявшись за руки, обгоняя менее резвых конькобежцев, красиво пригибаясь на поворотах.

Но короток и тревожен студенческий досуг. Плушеца экзаменационная сессия. Занятия в институте прекратились. В читальных, библиотеках, в комнатах общежития допоздна заскивали над книгами студенты. Николай и я оспорились, готовились к экзаменам вместе: забирались в свободную аудиторию и штудировали курс, помогая друг другу усвоить трудное. Так случилось и на этот раз: договорились, мы облюбовали дальний стол в лекционном зале, разложили книги, конспекты и начали уже читать, как вдруг появилась Алла.

— Я опоздала, мальчики! — спросила она, застенчиво улыбаясь.

— Ничего, садись, — ответил Коля, быстро взглянув на меня. Я молчал, деля вид, будто меня это не касается. Алла бросила

на стол разноцветный газовый шарфик, достала из сумочки миниатюрный блокнот, карандаш и села между нами, обдав обоих холодком морозной улицы и нежным запахом дождя с другой стороны.

Мы начали заниматься строем. Коля читал вслух конспекты, а я Алла слушала, записывая. Однако вскоре стало ясно: там, где двое, третий лишней. Алла по утрам читала. К тому же обнаружилось, что у Аллы большие проблемы по пройденным курсам: в некоторых она просто ничего не знала, в некоторых вопросах страшно путалась. Николай добросовестно растолковывал девушке непонятное, начиная свои объяснения, как говорят, кот пинки. Я в это время сидела рядом, слушала или листала учебник. Чем дальше мы углублялись в курс, тем больше возникло вопросов у Аллы, и мне все чаще приходилось бездельничать. Видимо, Николай это заметил, потому что через два дня, когда Алла опоздала, сказал:

— Тебе лучше заниматься одному.

— Оставай, пожалуйста. Что ты выдумал!

— Ты сам видишь. Я прошу тебя...

Получив ответ, я сказал:

— Хорошо...

Так закончились наши занятия строем.

На экзамены Алла и Николай приходили обычно в конце дня. Он шел первым в аудиторию, первым брал билет и садился за стол сразу перед экзаменатором. Она устранилась позади него. Оба сдавали экзамены на котлинок и тотчас куда-то уходили из института: может, в кино, а может, просто побродить по улицам города. В те дни я все реже и реже видел Розова. В общежитии он приходил поздно, уходил рано. Однажды в раздевалке я увидел Аллу одну. Она стояла около барьера и раздраженно что-то говорила, в руках у нее была модная котлиновая шляпка с золотистой заколкой. За барьером, напротив, стояла тетя Ноша, наша гардеробщница, и растерянно моргала глазами.

— Ваша шапочка вам там лежала. Как она упала, у меня не приложу, не видела.

— Надо видеть. Это же ваша обязанность, — выговорила Алла.

Тетя Ноша огорченно вздохнула и не найдя, что ответить, беспомощно посмотрела вокруг. Я понимал ее состояние: в душе она считала, что беда не стоила: открытку шлуту — и все тут. Но как скажешь об этом!

Все же тетя Ноша попыталась успокоить Аллу.

— Вы не переживайте, — сказала она, — ничего не заметно...

— Это моя вина, и я знаю, заметно или не заметно, — ответила Алла высокомерно.

Мне стало неловко поведать тетей Нишей за грубую морозную Аллу. Бедствие, разволнованную девушку, было столь ниточкой, что мне захотелось вмешаться. Я вышел из-за колонны. Но, увидев меня, Алла небрежно кинула головой и пошла прочь.

А дит черт! да на курсе собирали книги на одну из сибирских новостроек. Ребята бегали в магазин, покупали Чехова, Пулустовского, Антонова — по три-четыре книги каждый.

Алла принесла два упаксованных в бумагу кулики. В них оказались полные собрания сочинений Джексона Лондона и Тургенева — акуратные, совсем новенькие томики. К вечеру весь четвертый курс — более ста человек — знал о поступке Аллы. И случилась развлекательная забавная поговорка:

— Экзамены кончились, Мелышуги короткие коникули, и снова начались занятия, все пошло обычной чередой. Только теперь Алла чаще пропускала лекции, семинары: она возобновляла уроки на фортепиано и через день ходила в консерваторию. Однако не успел покончить с ней, и даде строга Валя Головина — наш комсорг — не устранила по этому поводу разгромных летучек. До конца года оставалось несколько месяцев. Коля конспектировал лекции, доставал в библиотеку книги, занимался с Аллой. Никто и не думал нарушать установленное между ними распределение обязанностей. Правда, самоотверженнейшего его стал предметом иронических замечаний

одному рдников, кое-кто говорил, что перьям всякое самолюбие потеряло, но в душе каждый понимал: это любовь. И, конечно, нам было приятно видеть эти любовь.

В начале марта, когда упала на московские тротуары первая капля, Коля неожиданно лег в больницу: у него обнаружили аппендицит. Мы навещали его, приходила и Алла, пришла с собой букеты цветов, пакеты с фруктами. Но вскоре нас азбудорочно извести Алла вывела в кино с ассистентом кафедры истории литературы Борисом Грудзевым. Однажды, отдавая Аллу а сторону, я пошутил погораздло, что рассказку о ее встрече с Николаем: как-никак, Розов был моим приятелем. Сначала она сделала вид, что не понимает. А потом наклонилась близко и, почти шепочка меня волосам, сказала:

— А почему я должна вести себя иначе? Что ты выдумываешь? Мы с Розовым такие не друзья, как и с тобой!

— Разве...
— Да. И не суйся не в свое дело. Ничего я тогда не понял, только мне вдруг стало жалко Николая и помочь ему захотелось. Собрался было тогда же пойти в больницу и все рассказать, но раздумал, решил подождать. А когда он выздоровел, увидел а его с Аллой — веселого, счастливого, — просто язык у меня не повернулся.

И еще запомнился мне один разговор. В маленькой боковой комнате библиотекы Алла что-то читала, уткнувшись в книгу, или делала вид, что читала. А Коля говорил, говорил...

— Не простой, а леса такая — концентриро нет. Ты представляешь: едем мы на лоток к лесоробу, вдруг из чащи к берегу выдот лес, утки из талиника взлетают... Я покажу тебе наши заповедные места. А сколько у нас интересных работ!

— Странно, Коля. Ведь в Москве выдста, выросла. Консерватория, Третьяковска... И вдруг поэзий неизвестно куда.

— Почему же неизвестно! — мягко и с ласковой грустью убеждал Николай. — Тебе понравится у нас.

— Не знаю. Какая там будет жизнь: уроки с утра до вечера, неустраенность... Коля молчал.

Густая пыль прилипла к окнам, окутывала дома, деревья, Алла вздохнула.

— Люблю Москву. Но ты прав, Коля, тысячу раз прав... Она повернулась к Розову и улыбнулась той застенчивой улыбкой, которая могла бить кого угодно с толку.

«Молодец Коля: проводит воспитательную работу с девушкой», — обрадовался я и, боясь, что меня могут удичить в подслушивании, вышел из библиотекы. А через несколько дней спросил Розова:

— Куда поедешь?
Коля не сразу ответил. Мы сидели на лавочке в институтской скверике. Над нами, как размытый газовой шарфик, плавало в небе облачко. Рядом девушки в цветастых блузках играли в волейбол, оттуда доносилась тут же удары мяча, крики, смех.

— Куда мне ехать! — проговорил задумчиво Николай. — К дому, конечно, поближе, в Архангельскую область...

— А Алла?
— Туда же.
Я хлынул его по плечу.

— Поздравляю, Коляк!
Он замалх руками.

— Не кричи. Это секрет.
— Хитер же ты: уводишь девушку! — и молчишь.

Но Розов так сердито зашикал на меня, что я прикусил язык.

— Если ты проговорился, то больше мне не друг. У нас с Аллой уговор: не болтать...
— Ладно, ладно... Будет по-товому, — успокоила его, пораваясь в душе щепотилостию алмазными, которые из каждого пустика готовы сделать тайну.

Пришел день распределения. В тот день Алла по обыкновению опаздывала. Уже многие наши ребята получили назначение, и на географической карте вывешенной в коридоре, прострели флажком, обозначившие места, где будут преподавать выпускники. Куда толку не

ехали они: в Сибирь, на Алтай, Дальний Восток, Север. Николая посылали в Архангельскую область, туда — мы об этом уже знали — требовалось еще два человека.

Около двенадцати часов появилась Алла. Она была в модном сером платье, суженном внизу, шло в несколько рядов обвивали бусы. Мы невольно заоблавались: хороша девушка, ничего не скажешь! Николай тотчас подошел к ней, отвел в сторону. Алла достала из сумочки катушку бумагу и, блеста в лицо Николаю бирюзовыми глазами, о чем-то приглушенно заговорила. Я стоял неподалеку и видел: на лице у Николая тревога, растерянность. Он о чем-то умолял ее, что-то доказывал. Но вскоре Алла вызвала комиссию.

Что же случилось? Мы переглядывались в недоумении. Было слышно, как Николай реал на клочки катушко-то бумагу.

Потом дверь отворилась, и Алла вышла к нам.

— Ну, как! — обступили мы ее.
— Оставил лаборантку на кафедре.
— Что? — Все невольно отшатнулись от Алла.

— Я так и знала, что вы подумаете плохо. Но я иначе не могу: у меня признали опасную болезнь сердца! Вот справка... Алла не дала договорить. Казалось, все сорвалось со своих привычных мест: мы обвиняли ее в трусости, упрекали в измене. Только Николай стоял молча и смотрел на девушку потерянными глазами. Кажется, он все хотел попытать взгляда Аллы, узнать, что в нем. Но ее глаза ушли...

— Понятно, катушка головой Саша Великовский! — Болельщики сердца — штука действительно опасная. Ну что ж, бегите обрадуйте серце мамочку! — Он подошел к Алла вплотную и вдруг тихо, но внятно сказал: — Хитрый хищный зверек... Как мы раньше не разглядели тебя!

Минуту они молча смотрели друг на друга. Нам был хорошо знаком беспощадный, холодный взгляд Саши, его суровый прищур. Так глядел Саша, когда выступил на комсомольских собраниях, где разбирали прогульщиков и лодырей, когда видел перед собой труса, обнаруживал подлость. И Алла не выдержала этого взгляда.

— Ну, пожалуйста... — сказала она растерянно и направилась к выходу.
Коля рванулся за ней, но тут же остановился, постоял в нерешительности минуту и медленно пошел следом по коридору.

— Вернись, Коля! — позвал кто-то.

Николай не ответил, ушел. Когда он скрылся за дверью, рядом снова заговорил Саша. Считал, что дело надо немедленно передать в комитет комсомола, что комиссия должна отменить назначение Аллы. Девочки требовали провести сейчас же собрание группы. Мы готовы были идти на кафедру, до каната, директору. Но тут вернулся Коля. Увидев наши взволнованные лица, попытался улыбнуться. Потом, сразу поняв, о чем мы думаем, сказал тихо:

— Ничего не надо делать...
— Что ты говоришь! — вспыхнула Валя Голванова. — Это же предательство!

Николай посмотрел на меня долго, в упор. — Ничего не надо делать, — повторил он тверже, что-то окончательно решив. — Я прошу вас... Так утихо.

И мы отступились, махнув на всю эту историю рукой. Время было горячее: выпускники собирались в дорогу. Мы гурьбой ходили е последний раз по институтским коридорам, заглядывали в кабинеты, аудиторы, прощались с преподавателями и профессорами. Пели песни, были адты на кафедру, до каната, директору. Но тут вернулся Коля. Увидев наши взволнованные лица, попытался улыбнуться. Потом, сразу поняв, о чем мы думаем, сказал тихо:

— Ничего не надо делать...
— Что ты говоришь! — вспыхнула Валя Голванова. — Это же предательство!

Николай посмотрел на меня долго, в упор. — Ничего не надо делать, — повторил он тверже, что-то окончательно решив. — Я прошу вас... Так утихо.

И мы отступились, махнув на всю эту историю рукой. Время было горячее: выпускники собирались в дорогу. Мы гурьбой ходили е последний раз по институтским коридорам, заглядывали в кабинеты, аудиторы, прощались с преподавателями и профессорами. Пели песни, были адты на кафедру, до каната, директору. Но тут вернулся Коля. Увидев наши взволнованные лица, попытался улыбнуться. Потом, сразу поняв, о чем мы думаем, сказал тихо:

— Ничего не надо делать...
— Что ты говоришь! — вспыхнула Валя Голванова. — Это же предательство!

Николай посмотрел на меня долго, в упор. — Ничего не надо делать, — повторил он тверже, что-то окончательно решив. — Я прошу вас... Так утихо.

ВЕСИ, ВЗВУДАРАЖИВШИЕ АВСТРАЛИЮ

Советский Союз и его выдающиеся достижения находят сейчас в центре внимания общественных отношений. Когда ранее сообщало о том, что вторая космическая ракета, запущенная в СССР, устремилась к Луне, каждому завладела волюющая мысль — действительно ли ракета попадет в цель, и вот, как говорится, в одно прекрасное весеннее утро (сейчас в Австралии все еще в стране разнеслась весть, что советская ракета успешно «прилунилась»). Люди были до того заблуждаемы этим известием, что потребовалось некоторое время, чтобы они пришли в себя.

И не в меньшей степени всех поразило сообщение об официальном визите в столицу Соединенных Штатов Америки советского премьера Н. С. Хрущева. Однако я согрешил бы против истины, если бы стал утверждать, что каждый житель Мельбуры собрался ходу событий. Ведь в нашем городе живут не одни только друзья Советского Союза. Но можно с полной уверенностью сказать, что все без исключения — и друзья и враги — находились при самых интересных из этих двух необычных событий. Ведь каждый был поставлен перед тем фактом, что впервые в истории проложена трасса к ночному светилу и что эту победу, отныне принадлежавшую человеку, человеку, уверенно одержала страна, где возрождался новый социальный строй. Люди наконец зримо убедились в том, какой силой обладают американцы, и что Хрущева в Соединенные Штаты визиты подчеркивала всю грандиозность того, чему накануне стал свидетелем весь мир. Визит, которого с таким нетерпением ожидали все прогрессивные люди Австралии, воплотился наконец в реальную действительность! В заводских цехах, в трамваях и автобусах, в столовых и кафе-террасах, где жители Мельбуры любят посидеть за кружкой пива, — везде говорили на одну и ту же тему и все чаще слова «луника» и «Хрущев» произносились с благоговением. Но иногда высказывались и довольно странное мнение. Мне вспоминается разговор, который я случайно услышал в незабываемый «луничный день» в одной мельбурнской комнате.

— Почему русские так качаются тем, что доставили на Луну свою эмблему? — сказала молодая женщина, работающая в этой комнате секретарем-машинисткой. — Ведь то, что совершили коммунисты, можно расценить и как попытку объявить Луну своей собственностью.

Это замечание вызвало улыбку у пожилого бухгалтеря.

— В таком случае, — сказал он, — надо отправить на Луну еще одну ракету — с эмблемой Организации Объединенных Наций. Пусть она украсится радужным с советским вымпелом как символ единства народов в борьбе за всемирный прогресс.

Присутствовавший при этом разговоре клерк не вытерпел и тоже заговорил.

— Да, советские парни действ-

ительно гордятся тем, что они совершили — первая она в послевоенной истории — большая пауза добавил: — Но и я вправе гордиться! Вспомните, кем были они всего тридцать с лишним лет назад и кем стали теперь! Шука сказать, они добрались до Луны! О, уверю вас, если бы нам, австралийцам, удалось послать первую ракету на Луну, то мы бы еще не так заговорили. Мы расписывали бы это на все лады.

Признаться, в рассуждениях моих соотечественников слышалось не только нотки зависти, смешанной с восхищением, но и смутная тревога. И это вполне естественно. Человек сумел достать ракету Луну, которая является олицетворением мира, но на нашей собственной планете все еще продолжается «холодная война». На земле далеко еще не установилась «всеобщая гармония». И даже такая дальняя страна, как Австралия, где не бушевало пламя горящей войны, даже она потеряла немало своих лучших сынов

Дэвид МАРТИН,
австралийский поэт

во время двух последних мировых войн. Вот почему, когда вслед за блистательной победой, одержанной над силами природы, произошло такое большое событие, как приезд Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева в Соединенные Штаты Америки, австралийцы поняли, какие благоприятные последствия может дать этот визит, направленный на ослабление международной напряженности. И «луника» еще впрямь запечатлелась в сознании людей как поэтический образ дружного человеческого существования, которое исключает всякую возможность возникновения конфликтов между народами.

С тех пор, как люди придумали неотвратимые средства разрушения, мир стал слишком мал. В век, когда ракеты добрейтся до Луны скорее, чем поезд из Западной Австралии до Мельбуры, на земле не больше неуязвимых мест для термоядерного оружия. Поэтому является лишь единственный выбор: жить всем в мире, неиз-

НОКАУТ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ!»

Джон ВИР,
канадский публицист

Сейчас это кажется невероятным, но до 12 сентября в Северной Америке сомневались, действительно ли Советский Союз обладает межконтинентальной баллистической ракетой.

И хотя эксперты «холодной войны» постоянно ловили на том, что они распространяют ложь о Советском Союзе, им все же удавалось заставить многие головы и посягать скептицизм. То Ли Гитлер учился у пропагандистов «холодной войны», то ли они использовали опыт Гитлера, но принцип «повторяй ложь до тех пор, пока ей не поверят», действовало, к сожалению, успешно. Так было до 12 сентября. А с этого дня вся пропагандистская шумиха мгновенно затихла, словно выключили радио. Большая часть экспертов «холодной войны», прессы и «достоверных источников» растаяла под лучами советского вымпела, преобладающего на Луне.

Но даже эта «луничная сенсация» не идет ни в какое сравнение с аляповатым оккупацией на жителей Западного полушария выступлением Н. С. Хрущева в Организации Объединенных Наций. Я имею в виду предложение советского премьера о полном разоружении в течение четырех лет, а также его речи, произнесенные в различных частях Америки. Мир без армий, военно-морских фло-

тов и авиации, без водородных и атомных бомб, без военных стратегов и фабрикантов оружия. Советский премьер выразил сокровенные мысли и чувства всех честных людей, выразил то, что до сих пор нельзя было высказывать вслух в Северной Америке хотя бы потому, что это казалось немыслимым. Н. С. Хрущев проложил проект разоружения не как невыполнимую мечту, а как реальный план, который может быть осуществлен.

Вся Америка сейчас спрашивает: «Почему бы не последовать советским предложениям?» Надеющиеся возражения, что это, мол, просто пропаганда и что еще может быть достигнуто соглашение по международному контролю, больше уже не действуют. Впервые за много лет в Америке начинают думать не о «холодной войне» и неизбежности мирового атомного пожара, а о разоружении и вечном мире.

Когда-то, мальчишкой, я учился боксировать. Сначала удавалось, потом «хукз» летали, — опать справа — похук! Запуск советской ракеты на Луну и визит премьера Хрущева в Америку явились мощными ударами по «холодной войне» она уже зашаталась.

Наступило время для нокаута. Это должно сделать мы сами, народы Северной Америки.

Торонто.

рая на различные социальные стимулы.

Именно так поняли многие мои соотечественники речь Н. С. Хрущева, провозгласившего в Организации Объединенных Наций. Он предложил тщательно продуманный план. План всеобщего разоружения.

Реакция австралийской прессы была весьма противоречивой. Нужно принять во внимание тот факт, что в нашей стране нет даже ежедневной лейбористской газеты. Наши ежедневные издания насыщены реакционными и консервативными. Тем не менее все газеты поместили сообщение о речи советского премьера под крупными заголовками, хотя из речи привели лишь отдельные цитаты, к тому же прокомментированные противоречивыми обзорными Нью-Йоркского происхождения.

Но рядом с необъективными, извращающими факты комментариями было опубликовано и нечто такое, что находилось в гармонии с последним: речь Н. С. Хрущева угодилась «взрыву бомбы», она характеризовалась как «сенсационная» и «имеющая исключительное значение».

Факт остается фактом. Австралийцы глубоко заинтересовались планом, предложенным Н. С. Хрущевым. Смелый план! План, который по своей грандиозности сродни «лунику!»

Кончу еще к этому добавив, что австралийцы проанализировали основные симпатии и личности советского премьера. Им пришлось по душе этой прямой, энергичный, откровенный и дальновидный политический деятель. Они надеются, что его усилия принесут хорошие плоды. Лично я несколько не сомневаюсь, что основная цель будет со временем достигнута. Стремиться к тому, чтобы это скорее осуществилось, — первый долг каждого из нас.

Я поз и привик myself образами. Говоря о советском «лунике», скажу лишь одно: осуществление древнейшей мечты людей. Человек преодолел скрывающиеся его величия, и человек устремился к звездам. Так что отныне само понятие «свобода» приобретает новый смысл.

Как известно, свобода — это осознанная необходимость. В нашу эпоху немаловажной важности и драматических замесов величайшей необходимостью является чувство ответственности всех и каждого за судьбы мира. Мы не можем ждать такой ответственности от тех людей, которые ставят свои личные интересы выше интересов общечеловеческих. Совершенно в другом духе живет и трудится мир социализма. И не случайно чудесный «луника» создается странами этого мира. Оно и показывая пример такого рода ответственности людям всех континентов. Сегодня социализм являет собой образец могучих, недооцененных мирных устремлений. А это и есть ярчайший признак силы и мудрости. Мельбури.

Борис СОКОЛОВ

СЫНОВЬЯ

Ветер — бывший хозяин степи — снегом колимка плетется, а если за сороч — глаза слепят ледяные сосульки, но мы, рукавички сбросив, опять припрямо опалуем ладям. Отдам приходилось трудней начинать Тракторный в Сталинграде.

И если бывает немногую: от холода трещина в здании, и падает, падает, падает ртуть, ослепшая дышью,— товарищ, от мня белый сам, горит мня, брови нахмури:

«Ты знаешь, трудней приходилось оторвать кирпич Комсомольск-на-Алуре». Еще находится фронт работ

у нулевой отметки: аступит в строй действующий завод только в конце семилетки, но он уже сится нам по ночам, вознивший из стали и света. Чудом легче стрелится сыновьям, завод мы построим это! Саранск.

Лев КУКЛИН

НЕОБХОДИМОСТЬ

В пять минут укладываем рюкзаки. По ное наматывать портянки. Смастерить печурку из жестянки — В джирной жезки, может быть, лустя...

Но в эпоху маршей и тревог, Строек и палаточного быта Школа мудрых фронтových дорог Никогда не может быть забыта.

В армии учили нас старшим, Чтобы мы хранили на века Напряженность боевой дружины, Гневное спокойствие курка...

Все уметь — не тягостно бремя. Это нам нужнее с каждым днем. Очень нужно, чтобы в наше время Человек был легок на подъем! Ленинград.

Сергей ПОЛИКАРПОВ

В РОДНОМ ЦЕХУ

Золотым, ключоучим потоком Сталь из печек рвется в мелеба... Привела, знать, и солнечным истоком Ты меня, рабочая судьба.

В щех родной я возвращаюсь снова. И друзья, по-братски, от души Соплиха искрометного, тустого Наплавляют полные ковши.

— Не забыли! Ну, спасибо, други! Год не нечестно, Ну, а все же срано... Как подручный, на ноги упругий, Пробегал по цеху ветерок.

Бытос в кладку огненные лавы. Печи в брызгах шлака, как в поту. Не тумк, некие без меня вы. Только мне без вас невеселого.

Только в бз вашего дышья Сердцем стемн в летнюю жару. Я рабочего, простого званья. У такого родится а умру.

К искрометным солнечным истокам Привела меня моя судьба. Золотым ключоучим потоком Сталь из печек рвется в мелеба. Москва.

РЯДОМ С КОММУНИСТАМИ

«Эти комиссии должны осуществлять систематический контроль за своевременным выполнением предприятием производственных заданий, государственными заказами и поставок по всей номенклатуре при высокой качестве продукции, следить за строгим соблюдением всеми работниками предприятия государственной дисциплины.»

(Из речи Н. С. Хрущева на июньском пленуме ЦК КПСС.)

С ЭТОГО НАЧАЛОСЬ...

У инженера-конструктора машиностроительного завода имени 15-летия ЛКСМУ Евгения Колесникова выдался трудный день. В четвертом часу в конструкторское бюро, захвачившись, явился комсорг Борис Синко и крикнул с порога:

— Сидишь? И хоти Евгений не сидел, а стоял, укрепляя кнопки на кульмане лист ватмана, Борис повторил: — Сидишь? Чешешься? А в сборочном подъемной машину заперолил!.

Колесников схватил плащ и, стараясь на ходу попасть в рукава, вместе с Борисом помялся в цех. Там у новой шатковой подъемной машины трудился человек дельце. Евгений заметил поблудневшее лицо начальника цеха Яковенко. Тот молча протянул Колесникову чертёж, исчерканные красным карандашом чертежи. Евгений взял их и почувствовал дрожь в пальцах. Запра госудерственная комиссия должна была дать разрешение на серийное производство, и вот... Евгений растерянно поглядывал металлические реборды. Они были намного меньше, чем предусмотрено в проекте. А это грозило аварией. Вспомнилось, как горнично подтвердили в прошлом году в партбюро его назначения ведущим конструктором новой шатковой машины: «Это же толковый инженер! Заместитель секретаря комсомольской организации! Такой не поведает! Вытащит во что бы то ни стало!» «Вытащил!» — горько усмехнулся Евгений.

В стороне комсорг завода Борис Синко ожесточенно спорил с начальником цеха металлоконструкций. Синко доказывал, что в цехе неправильно разметили детали. Также уже случалось не раз. Начальник цеха уверял: не его вина, если реборды оказались меньше, чем следовало.

— Послушаем, что ведущий конструктор скажет! — обернулся он к Колесникову.

Евгению было ясно, что разметчики совершили грубый просчет: никто не обратил внимания на допуски, указанные в чертёжах. Но сейчас было не время сандаться, кто виноват, и Колесников меропит громко ответил: — Ничего спорить попусту. Машину завтра же надо предствать на испытанья. Это — главное!

С этой минуты ни Колесников, ни Синко не выходили из цеха. За ночь нарастали металлосические реборды, вырубил новые фланцы и трубу полностью собраны машины. Но почему-то не особенно радостно было на душе у ребят.

Завтра комиссия примет машину, думали комсомольцы, а дальше что? На заводе пожимали плечами. За месяц убить от него составили почти двести пятьдесят тысяч рублей. И во многом повинны разметчики. У них издавна уверенились неверный стиль работы. В цех поступали обычно типовые детали, их разметка стала для многих привычной, механической операцией, не требующей внимательной, терпеливой работы с чертёжками. Порой металл размечали просто по памяти, на глазок. А когда требовалось изготовить нестандартные детали, пспешность разметчиков и невнимние читать сложные чертежи приводили к большому браку...

И инженер-инструктор Евгений Колесников решил поставить на комсомольском собрании вопрос об усовершенствовании технологии разметки деталей.

— Современное производство машиностроения, — сказал он на собрании, — требует от рабочего глубоких знаний. Разметчик обязан читать чертежи свободно, как книгу.

Молодежь поддержала Колесникова. Организовали специальные обучение разметчиков, привлекли к этому делу инженеров. Молодые специалисты выступили в цехе металлостроения с лекциями: «Как читать чертежи» и «Новое в машиностроении». Результаты быстро сказались. Процент брака резко снизился.

Когда на заводе обсудили решения июньского Пленума ЦК КПСС и создали комиссию по контролю за качеством, в партбюро единогласно решили, что возглавлять ее будет молодой инженер, кандидат в члены КПСС Евгений Колесников.

ШТАБ ДЕЙСТВУЕТ!

Дневник... Человек записывает в дневник то, что видит, понимает и чувствует. То, что уже совершил и о чем мечтает. Вот дневник Бориса Синко.

Одна из первых страниц начинается так: «...Дело спорное, с чего начать... Сейчас основная задача завода — создать опытный образец роторного экскаватора. У всех сохранилась в памяти печальная история с подъемной машиной. Поэтому решили: взять производство экскаватора под особый контроль! Колесников советует не забывать о наиболее вероятном источнике брака — разметке деталей. Правильно!..»

На следующей странице — короткая приписка карандашом:

«Сегодня размыслил ответственные детали экскаватора. Проследить, чтобы на помощь разметчикам пришли работники других участков. Операции проведены внимательно, без спешки. Брака нет совсем. Детали отличные!»

Новая запись:

«...Час назад комсомольцы Леонид Концевич и Владимир Савенко сообщили, что в литейном цехе задержали изготовление деталей. Причина одна — отсутствует сталь нужной марки. Что делать? Члены комиссии, посоветовавшись, предложили недорогой заместитель. Вопрос был решен оперативно и с большой экономией для завода. Председатель комиссии Колесников — конструктор, и такие вопросы ему легко решать...»

Листав дальше страницы дневника.

«...Сегодня проверил работу модельного цеха. Там большой беспорядок! Цех переоборудован в новое помещение, но монтаж оборудования задержался из-за настила полов: в решающий момент строители переоборудовали на другой объект. Непорядок! В семь часов прораб отчитывался перед комиссией партийного контроля. «Колесный душ» помог: строители уже настаивали поехать...»

«...Колла Волнов переживает: в одном из цехов перекорректировали сверх нормы пять тысяч киловатт-часов электроэнергии из-за плохой организации труда. Сколько денег ушло на ветер! Завтра же зайду в цех, разясню

хлопцам, что это значит. Приглашу специалистов из планово-экономического отдела: пусть они по сопоставлению подсчитают. Но цифр и расчетов понятней».

«К нам, в комитет комсомола, часто заходит Илья Омельничук Косенко, старший ветеран завода, пенсионер. Он отлично помнит те времена, когда хозяин заводом был инженер Роберт Валерий. Оказывается, в 1907 году в ремонтном цехе на том самом месте, где я недавно работал, трудился Никита Сергеевич Хрущев. Было ему тогда пятнадцать лет. Догод рассказывал нам Илья Омельничук о беспримечном положении рабочих до революции, а потом обидно: — Завидую я вам, хлопцы. Ведь теперь вы подлиннее хозяева завода. И хорошие хозяева, настоящие продолжатели рабочего дела».

Кто-то mette назвал комсомольцев из штаба содействия комиссии партийного контроля «острым ножом». Действительно, от их зоркого глаза не укрылся ни одно упущение на производстве. Такие умеют открыться со цветочной там, где это необходимо.

ХОЗЯЙКА ГОЛУБОГО ОГНЯ

«Валя уезжала из Киева поздно ночью. — Не понимаю! — авозволично говорила мать, укладывая в чемодане диплом, портфель, сестры и подруги. У тебя отличный диплом — всегда найдешь работу в Киеве. А ты — в другой город... И наконец танцы... Смогут ли в Сталино оценить твои способности?»

Валю нет сил отвечать. Она вздыхает и березно завертывает багетные туфли в газету. Кто знает, пригодятся ли!

В тот день, когда Вала Давидич получила диплом инженера сварочного производства, она одновременно «свернула» диплом инженера одноадресно, зрятели без конца вызвали на сцену».

«Быть может, твоё призвание — танцы! Нет, тебе совсем не танцевать! — вставала вразрез сценариясь замесилась только институтскому кружке. А раз так, надо ехать туда, куда направляет институт... «Маме трудно это понять», — пыталась убедить себя Вала... У взрослых всегда не хватает характера, если дело касается их детей».

«На заводе имени 15-летия ЛКСМУ Вала встретила радужно. Начальник бюро, опытный инженер Лев Сапиро рассказал, что сейчас все они увлечены разработкой нового способа сварки».

— Мы заканчиваем конструирование первой в Советском Союзе промышленной установки для сварки в среде водного пара», — сказал инженер и показал девушке большой альбом с расчетами и диаграммами. Но куда это протолкнуть всем теоретическим положениям! — ахнула Вала, перелистывая диаграммы. Уже не подумывая ли над ней! Каждому студенту известно, что алаги при сварке вызывает в металле трещины... Но оказалось, что в лабораторию провела не одну сотню опытов и установили закон влияния пара на качество сварных швов. Инженеры заметили, что с увеличением влажности пористость швов повышается только до определенного предела, после которого алаги как бы сама себя опамаривают».

После этого памятного разговора Вала часто задерживалась в лаборатории. Все хотелось сделать своими руками, не приходящими к ней с лабораторию инструментом. Остенение первой ней выделывались огромные преуспевающие нового метода сварки. Она написала авозволенное письмо домой: «Никогда я не предполагала, что придется участвовать в таком увлекательном деле. Все расчеты уже проделаны до мной. Но предстоит еще монтаж и испытание установок, и я рада, что в этом будет участие моего друга».

Однажды утром Вала пришла в лабораторию позже обычного. Инженер Сапиро понуро сидел в кресле, а лаборант провела на скамейке, ожестоженно орудуя гапильником, воряча что-то под нос.

— В чем дело? — осторожно спросила Вала. — Цех до правды завружен основной продукцией, — отсал Сапиро. У них и без нашего заказа рухнет план».

— Значит, испытания откладываются?

— Выходит, так... Вала взглянула на мурное лицо Володи Балжи и, ничего не сказав, выехала из лаборатории. Через несколько минут она авозволенно рассказывала обо всем секретарю комсомольской организации Борису Сипко... В ободанный перерыв в комитете комсомола Вала сообщила о своем содействии комиссиям партийного контроля. Пригласили из инструментального цеха председателя партийной комиссии по автоматизации и новой технике молодого коммуниста, мастера Александра Сибенко. Дисконструировали несколько вариантов».

«Прянично ты сделала Вала, что всех авозбудоражила! — говорил Сибенко. — В самую точку попали. Ведь дело касается сварки. А что сказали про сварку на июньском Пленуме! — Он потонул со стола, плотную подставку газет. — И негорючий прочел: «Валюхе будущее принадлежит сварочному делу. Сварочное производство должно быть хорошо организовано на современном техническом уровне...» Банкет! А раз так, надо организовать испытания воярем! — крикнул. Его сильный голос вселял уверенность и надежду».

Немного погодя члены комиссии направились прямо в цех. Выяснили причину задержки. Сибенко заперся в кабинете с начальником цеха, советовал пересмотреть график работы смен, перенять опыт инструментальщиков. Комсомольцы других цехов взяли помощь в изготовлении важнейших узлов. На следующий день в цехе ажиотера работа. О готовности заказа спрашивали секретаря заводского паркома, несколько раз в день на участок заглядывали председатели комиссии Александр Сибенко.

Вала в течение дня успевала бывать всюду. Борис Сипко добродушно поспрашивал, когда будет готова установка. В цехе, постоянно добываясь современного изготовления деталей.

«Молодец, девушка! — подбадривал он. — Решили! Так и действуй! Делай контроль деталей».

А комсомольцы из штаба содействия, которые уже считали ее своей, учили на толку: «Главное — это не быть ревнзором или толкучком. Людям всегда поможет надо: ведь со стороны всегда лучше».

«Валю мы больше и больше втягивали в работу штаба. Она писала в эти дни матери: «Только сейчас я поняла, что значит товарищеская помощь в трудную минуту!».

В день испытаний приехали представители из союзного и Института электросварки Академии наук УССР. Когда в цехе свернулася осветительная голубая дуга, Вала почувствовала, что ей стало трудно дышать...

«12 часов работала установка. Все поздравляла инженеры. Вала слышала, как представитель союзного сказал, что новый метод будет широко распространен на всех предприятиях области и что в течение года достроит на заводе имени 15-летия ЛКСМУ он десятков миллионов рублевой экономии».

Усталая, она пошла в бюро сварки, но вспомнила, что помещение ремонтируется и бюро временно переведено в заводской Дворец культуры. Она направилась туда. Проходя по коридору, увидела на блестящей, сверкающей двери заводского кабинета «Танцевальный класс. Девушка открыла дверь и, улыбаясь, ступила на вощеный паркетный пол. Все было точно так же, как в Киеве в день получения диплома. Только не было артефакта и сияющего молотка. Вала закрыла глаза и, встав на цпочки, неожиданно для себя, не совсем уверенно сделала первого па из «Классической школы»...

Она и не заметила, что через открытую дверь за ней наблюдают десятки заинтересованных глаз и останавливаются лишь тогда, когда раздались аплодисменты.

«Огонь-девка! — с восхищением сказал высокий технолог, глядя на смущенную, покрасневшую Валу».

Вала и остановилась другой... Она же сварщица. Хозяйка голубого огня!..

— И член нашего штаба! — добавил Борис Сипко.

Н а всех континентах земли знают песню, в которой начинаются и заканчиваются всемирные фестивали молодежи и студентов. Как и всегда, песня советская, она хваляющая друзей и ненавидит врагов мира. Это «Песня демократической молодежи».

Бессмертная федерация демократической молодежи, чей голос проносится звучит на разных землях и странах», родилась 14 лет назад, в огне второй мировой войны, в общей борьбе народов против фашизма. Ее учредил Первый всемирный конгресс молодежи в Лондоне. Делегаты конгресса представляли 30 миллионов юношей и девушек из 63 стран мира, торжественно подписали «клятву единства, достигнутую в ноябре 1945 года». Впервые тогда не сегодня, не только на этой неделе, не только в этот год, но всегда... Мы собираемся, — сказали делегаты, — чтобы забыть, что утратили язык, острый ум и энтузиазм молодежи никогда не будет утрачено на веки».

День учреждения ВФМД — 10 ноября 1945 года — явился вазовой вехой в истории международного юношеского движения и ежегодно отмечается как Всемирный день молодежи. Демократическая молодежь мира отмечает в ноябре еще одну знаменательную дату. Двадцать лет тому назад, 17 ноября 1929 года фашистские агитаторы хотели утопить в крови сопротивление чешских студентов, из страны выдворяли молодежь, выражает полную уверенность голос солидарности. Спустя два года прогрессивные студенческие организации объединились в Международный Международный союз студентов.

«Мы не лозунги международного солидарности и борьбы за светлое будущее, которые вдохновляли героические поколения молодых людей мировой войны, мы знаем и понятия и современному поколению молодежи».

Великие идеи мира и дружбы между народами особенно дорого советским людям, советским коммунистам. Дружеские отношения, основанные на трудном на ласках солидарности, независимости волеи. Они гордо гордо и покорно мы гордимся предложем Героя Советского Союза и правительства о всеобщем и полном разоружении. Молодежь мировой войны и молодежи советский народ, как и все прогрессивное человечество, радует успех вострени главу правительства Советского Союза и Героя Америки, и они с всей душой благодарны Никите Сергеевичу Хрущеву за его государственный труд во имя будущего, ради счастья молодых поколений, которым принадлежит это будущее».

Наша юноши и девушки вместе с молодежью стран, строящих социализм, выражают полную солидарность молодежи капиталистических стран, которая ведет борьбу за свои политические права, выступает против политики «холодной войны» империалистических правительств. Мы солидарны с молодежью капиталистических стран, стремящихся к свободе и независимости. Советская молодежь, советское студенчество неизменно и неизменно поддерживает дружеские связи с молодежью и студентами Всемирной федерации демократической молодежи. 14 лет тому назад, в день учреждения Всемирной федерации демократической молодежи, 14 лет тому назад, братская дружба советских юношей и девушек с молодежью стран, строящих социализм, укрепляет дружеские связи с юношами и девушками всех стран мира. Участвуя в деятельности ВФМД и Международного союза студентов, молодежь организации Советского Союза поддерживает дружеские связи с молодежью и студентами различных стран. Все больше и больше друзей из 238 различных стран и десяти тысяч молодых иностранных туристов. За это же время около двухсот делегаций и групп со всего мира участвуют в деятельности Советского Союза. Советский Союз значительно расширился. Только на VII Всемирном конгрессе молодежи Советского Союза за тысяч советских делегатов и туристов имели возможность немедленно встретиться за круглым столом делегаты из девяти десятков миллионов посланцев доброй волеи. Фестиваль на международном уровне, посвященный международному движению, еще выше поднял в глазах молодежи поколения авторитет ВФМД. Мы благодарны за то, что Советский Союз соединил теперь эти могучие организации — 27 миллионов той борьбы за мир».

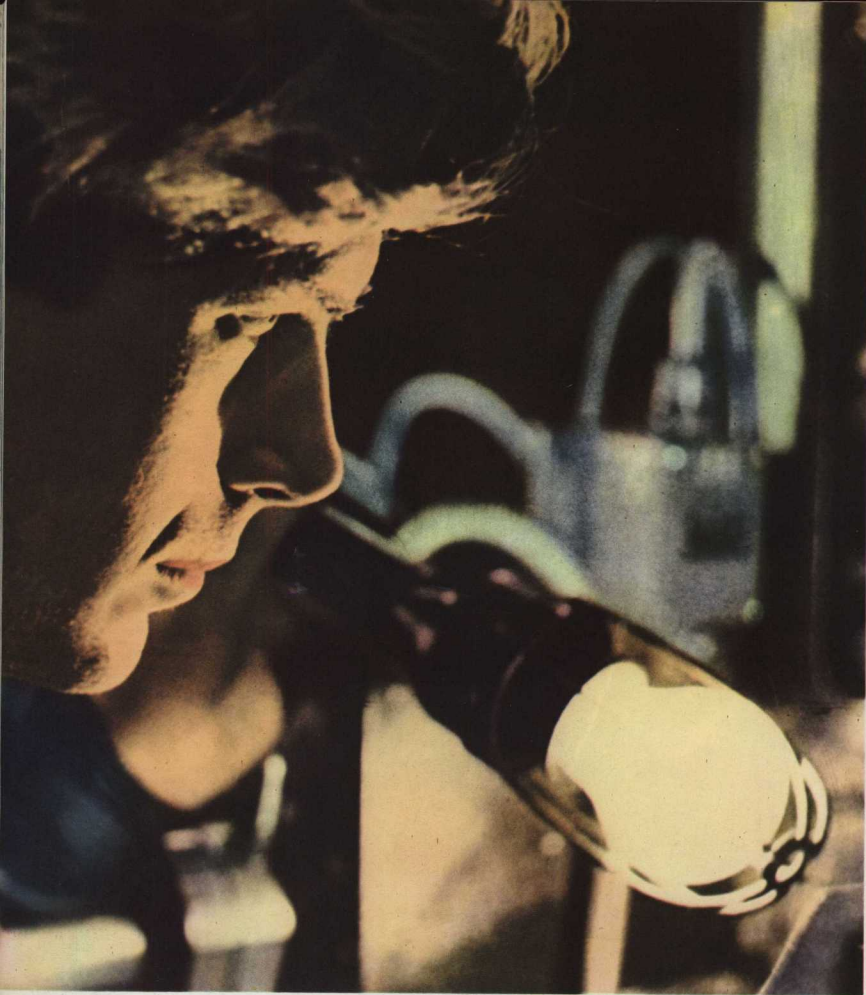
Все вернее, зрелище звучит над планетой слова призыва:

Каждый, кто молод, дайте нам руки, дайте нам руки!

Дружно подхватывают веселую песню студенты Московского энергетического института Сатта Абдель Рахман, Нина Горлова, Шэн Вэй-чжи, Юй Дизэ, Дитер Умлауф, Ма Си-чжэнь, Володя, Миленин...

Фото В. Сакка.

Молодой инженер Вячеслав Шугаев — один из конструкторов новой автоматической линии.

"У нас на заводе..."

Фото М. Муразова.

Новый год они встретили вместе. У праздничного стола собрались 150 юношей и девушек. На рассвете, прощаясь у проходной, они желали друг другу счастья в жизни, работе и учебе...

И действительно, этот год принес большие перемены на московский опытный завод Научно-исследовательского института тракторного и сельскохозяйственного машиностроения. Росли цехи, многие рабочие стали инженерами и техниками. Продукция завода заслуженно получила отличную оценку на крупнейшей предприятии страны, выпускающих сельскохозяйственные машины. «Ростсельмаш» и Сталинградский тракторный, Красноярский комбайновый и харьковский «Серп и молот» благодарили москвичей за уникальное автоматическое оборудование. Каждый новый станок, новая автоматическая линия, отправленная на предприятие, — это сотни новых тракторов и комбайнов для колхозов и совхозов страны.

Неразрывная связь с передовой научной мыслью, изготовление новейшей сельскохозяйственной машинострои-

тельной техники — вот что характеризует работу этого опытного завода. Здесь был создан первый в Советском Союзе завод-автомат, изготавливающий не отдельную деталь, а законченное изделие — втулочно-роликосые цепи для зерновых, кукурузоуборочных и силосоуборочных комбайнов. 500 тысяч метров цепи самого лучшего качества в год — такова проектная мощность этого завода-автомата, смонтированного в Краснодаре. Новый, автоматический способ производства цепей приносит ежегодно 4 миллиона рублей экономии.

Лучшая учеба — у станка. Виктор Едмунд (слева) пришел за советом и номсомольцу Василию Богдальщину.

...На столах коричневатые листы чертежей. Строгими, четкими линиями начертана на них смелая идея конструктора. А за окном, на чистом и подомывающемся уютном дворе, стоит готовый к отправке механизм. Длинный путь проядут

Лить минут — срок небольшой, однако и за это время номсомольцы успевают решить важный вопрос.

← Немало забот у секретаря номсомольской организации Едмунда Шлаина.

Мяч взяли, но ребята довольны: ведь это тренировка!

листья чертёжной, прежде чем листы конструктора найдёт свое воплощение в металле. Десятки инженеров, техников, рабочих проведут сотни часов над столами и у станков, чтобы завершить работу конструктора.

Жизнь каждого механизма начинается в технологическом отделе. Здесь он получает маршрут путешествия по цехам. У чертёжной доски — конструктор по окнам комсомола Людмила Чуйко. Три года назад она была простой чертёжницей. Работу в отделе Людмила совмещает с учёбой в Московском машиностроительном институте. Вместе с мужем Валентином Чуйко — старшим технологом — она завершает первый этап работы: намечает маршрут, рассчитывает и подготавливает материал, выдает техническую документацию.

Из тихой маленькой комнаты технолога чертёжи уходят в цехи. Побывают они и у Светланы Пазомовой, технолога механического цеха. Полтора года назад Светлана с отличием окончила Люберецкий машиностроительный техникум. Многие знакомые уговаривали ее сразу поступать в институт: ведь диплом с отличием давал ей право вне-

Слесарь Александр Критский и инженер Вячеслав Шугаев заняты наладкой новой автоматической линии.

конкурсного поступления. Но девушка пошла на производство. «Учиться можно и работа», — решила Светлана. Вскоре она поступила на вечернее отделение станкоинструментального института. Кстати, учатся здесь почти все. Это стало одной из главных задач молодежи. Многие занимаются в школе, но большинство — в техникумах или институтах. Трудно сказать, что больше чему помогает — работа учебе или учеба работе. Важен результат — воспитывается новый грузчик, сочетающий практику с теорией. Все дороги на заводе ведут в сборочный цех, где завершают окончательную наладку нового механизма. Сейчас здесь готовится оригинальная автоматическая линия по сборке шатунно-поршневой группы для универсального сельскохозяйственного двигателя. Она будет установлена на харьковском заводе «Серп и молот». Исполненная только на треть своей мощности, линия полностью удовлетворяет заказы современной промышленности. Но конструкторы не зря сделали такой запас: впереди семилетка! Налаживает линию один из самых молодых ее конструкторов — комсомолец Вячеслав Шугаев. Это его первая большая работа. Вячеславу помогают братья — слесари Александр и Николай Критские. Александр старше Николая на два года и трудился на заводе уже давно. Но Николай догоняет брата по мастерству: за его плечами специальное техническое училище. Критских в шутку называют «братчиками-механиками». Их всегда ставят в пример другим как отличных производственников и активистов.

Рядом с автоматической линией монтируется первая в Советском Союзе радиально-ночовная машина по производству ступенчатых валков. Выглядит она внушительно: высота — пять метров, вес — около двадцати тонн.

«Окончен трудовой день. То и дело хлопает дверь с табличкой «Комитет ВЛКСМ». В комнате, на стенах которой повешены стенды с рамками почетных грамот, тесновато, но уютно. За столом секретаря — капитан футбольной команды тожарь Юрий Палуша, с жаром комментирующий результаты последней астречки мастеров хоккея. Да и самим заводским спортсменам есть чем похвалиться: у них кубок по футболу, они завоевали первые места в районных соревнованиях по легкой атлетике, настольному теннису и волейболу.

У окна секретаря Ефим Шлани и его помощник Валентин Чуйко обсуждают итоги комсомольского рейда. Но спор о хоккее захватывает и их. И вот настольное стекло превращается в ледяное поле, а Ефим и Валентин сличично каторжники разыгрывают сложную комбинацию против осторожного вратаря Юрия Палуша...

В противоположном углу здания комментаторы спорят о системе Станиславского. Это зависит чей-то густой бас: «Даже по системе Станиславского не буду играть анархист!».

Пустует и комитет комсомола. За окном мучится зрительница от света снежинок, перемешанные с крупными каплями дождя. Ефим Шлани снова вспоминает встругу 1959 года, теперь уже почти прошедшего. Он вольновольно рассказывает о своих товарищах, о новых механизмах, которые выйдут из сборочного цеха к Пленуму ЦК КПСС. Секретарь говорит о протекторстве в жизнь нового слезника комсомолец: «Лучшее от каждого — коллективу, лучше от коллектива — каждому». И невольно в речи его проскальзывают слова, проносимые с большой гордостью: «У нас на заводе...»

Эл. ЛЕОНОВ

На снимках справа (сверху вниз):

Валентина Кострыгина начала работу на заводе лаборанткой. Совмещая труд и учебу, она получила диплом инженера.

Идет репетиция заводского эстрадного оркестра.

У чертёжной доски — молодой конструктор Людмила Чуйко.

ПОДАРОК

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ)

Это было весной 1945 года. Войска 3-го Украинского фронта двинулись на штурм Вены.

Наше авиационное подразделение остановилось в австрийском хуторе, запущенном разрушенном и обезлюдевшим. Мы облюбовали дом для обработки аэрофотофильмов, небольшой, но аккуратный, под прочной кровлей.

Хозяин, высокий старик, спокойно рассказывал по поводу. Когда через штабного переводчика, случившегося поблизости, ему объяснили, в чем дело, он закивал, сказал, что пока проживет в пристройке, и просил распоряжаться как нам угодно.

Потом мы узнали, что хозяина звали Куртом. Он был сельским учителем. Но школа в это тяжелое время не работала, и старик нашел другое занятие — стал каменщиком. Каждое утро, забрав ведро известки, кулек с цементом и мастерок, уходил он поправлять дома, ограды, класть хуторянам печи. К вечеру возвращался усталый, но дотемна копался на своем огороде. В огороде угодила бомба: разрушила часть каменного сарайчика, образовала большую воронку. Старик пытался было забросать ее дерьмом, но это оказалось ему не под силу.

И вот в одно туманное утро наш капитан предложил:

— Поможем, товарищи, старику.

Мы принялись за дело. Часа через три воронка была засыпана и вскопана две большие гряды.

К концу дня пришел дядя Курт. Мы стояли у открытого окна, любознательству, какое впечатление произвел на него наша работа. Хозяин открыл калитку, сделал несколько шагов и остановился. Минуты две он стоял неподвижно, потом прошел огород из конца в конец и, повернувшись к нашему окну, развел руками. Его седые усы смешно затопорчились, от глаз разбежались тонкие лучики морщин. Покачивая головой, он скрылся в пристройке.

— Расчувствовался старик, — сказал старшина. — А работяга он: целый день в гряде да в известии — все руки изъездили.

Хозяин слова показавшаяся на дворе. В руках он держал бутылку с вином и сверток. Подошел к нашей двери и встал на пороге, не ренаясь войти. Мы пригласили его.

Как раз подошел чай, приготовили незамысловатую солдатскую закуску. Ребята смотрели на меня с завистью, потому что я мог объясниться со стариком не только жестами, но и с помощью двух десятков немецких слов, сохранившихся в памяти от средней школы...

С этого дня мы все подружились с хозяином.

Однажды вечером дядя Курт повел меня «на свою половинку», в пристройку. Это была комната

с изысканным потолком: скромная обстановка: некрашеный стол, кровать, шкаф, большая этажерка с книгами.

— Может, герр сержант имеет желание читать? — спросил он по-немецки, жестом указывая на этажерку.

Я просмотрел книги. Очень много было школьных учебников. Но вздум мое внимание привлекли четыре красавых книжки. Кожаный переплет, блестящая обертка из мраморной бумаги, золотое тиснение.

«Шиллер», — прочитал я; это было прекрасное лейпцигское издание.

Еще в школе, в драмкружке, исполнял одну из ролей в драме Шиллера «Коварство и любовь». Пребывая в плену, и нашел эту пьесу во втором томе. Как-то отговаривал Курту, что я знаю это произведение, и попросил книгу. Он утвердительно кивнул головой.

Теперь в свободное время я часто сидел с томиком Шиллера и словарем, переводя сцену за сценой, заучивая слова и фразы. Кое-что понимал по смыслу.

Прошла неделя. Я уже осилил при помощи словаря другую драму — «Разбойники». Вечерами читал вслух дяде Курту, и он торжественно и терпеливо поправлял произношение.

Но вот мы получили приказ срочно перебраться.

Старый Курт помогал нам укладываться, изображая руками и мимикой свое сожаление. Потом, будто о чем-то вспоминая, скрылся в пристройке.

Мы потрудились изумство, трунулись. Уже за воротами, когда выехали на шоссе, снова увидели старого Курта. Он бежал за машиной, размахивая руками. Шofer притормозил, и старик нас увидел. Он дышал тяжело; последние волосы прилипли к лбу. Молча дядя Курт протянул сверток, указав рукою на меня.

— Что вы там забыли, сержант? — недовольно спросил капитан.

Я в недоумении пожал плечами, развернул сверток. В плотной серой бумаге оказались томики Шиллера.

Вскоре советские войска освободили Вену. Потом побывал я в Болгарии и Югославии, Румынии и Венгрии, и книги везде путешествовали со мной.

С тех пор прошло много лет. На моей книжной полке, блестя золотым тиснением кожного переплета, стоят эти четыре томика. И, глядя на них, я вспоминаю скромного учителя — каменщика дядю Курта — и то весеннее утро в год окончания войны, когда он бежал к нашей автомашине, чтобы передать свой подарок.

Борис ЧЕЛЫШЕВ,
доцент Штуттинского педагогического института

Турье ВЛИЯЕТ

литературный журнал

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ НЕЗАБЫВАЕМЫХ

Тот, кому посчастливилось принять участие в Венском фестивале, не забудет этих прекрасных, неповторимых дней.

Юность земли собралась в моем родном городе. Дранные улицы и площади Вены никогда не были свидетелями такого бурного ликования. Никогда не слышала наша знаменитая музыкальная Вена таких звонких, жизнерадостных песен. Молодые послышцы всех стран встретились, чтобы лучше узнать друг друга, чтобы поговорить о будущем, чтобы подружиться и сказать ненавистной войне свое твердое «нет». И хотя с тех пор прошло более двух месяцев, каждая улица, каждая площадь Вены живо напоминает мне об этом великом празднике. И не только мне. Тысячи юношей и девушек бережно хранят в своих сердцах воспоминания о фестивале, о замечательных знакомствах, о романтических встречах на берегу голубого Дуная.

Думано, что читатели «Смены» не откажутся совершить со мной небольшую прогулку по городу. Конечно, не праздную прогулку, а чтобы познакомиться с молодыми венцами и поговорить с ними о фестивале. Ну что ж, отправимся в путь, мои дорогие советские друзья.

...Итак, мы в рабочем районе Вены — Флоридсдорфе. Стучимся в первую попадающую дверь. Настрекну выходит юноша лет двадцати.

— Гейц Скала, — представляется он, протягивая руку.

Гейц работает слесарем на одном из венских заводов.

— О том, что в Вене предполагается провести всемирный праздник молодежи, я впервые узнал из листовки, сфабрированной провинциальными фестивалями, — рассказывает юноша. — Признаться, я поверил тогда прочитанному. И в организацию, где я состою, нас тоже

настраивали против фестиваля. Меня и моих товарищей убеждали, что вообще никакого фестиваля в Вене не будет.

— Ну, и как вы реагировали на это?

— Я решил проверить, так ли обстоит дело, как нам говорили. Я стал читать газету, которую в то время начал выпускать подготовительный комитет фестиваля, беседовал со сведущими людьми. Все, что говорилось в листовках и в чем нас старались убедить некоторые из активистов Союза социалистической молодежи, оказалось досужим вымыслом... То, что происходило в дни фестиваля, трудно передать словами. Такого Вена еще не видела. Это не только мое личное мнение. Так думают многие молодые социалисты Австрии, которые, как и я, едва не попались на удочку...

В этот же день мы познакомилась с молодой стенописницей Лией Форман. Узнав о цели нашего приезда, девушка отложила начатую работу и с увлечением заговорила о том, что было особенно близко и дорого ей.

— Впервые я узнала, что такое молодежные фестивали, в 1955 году, — сказала Лия. — Две незабываемые недели провела я тогда в Варшаве. Легко представить мою радость, когда минувшей весной я узнала, что всемирный праздник молодежи на этот раз состоится в Вене!.. Надолго запомнится мне день открытия фестиваля. Семь ударов гонга возвестили миру о том, что на венском стадионе началось грандиозное шестине часовое пяти континентное. Два с половиной часа продолжалось оно. Пройдут годы, десятилетия, но воспоминания о фестивале никогда не померкнут. Еще долго сыны и дочери разных народов будут с гордостью говорить: «Мы побуждены в Вене!»

Тепло попрощавшись с Лией Форман и поблагодарив ее за беседу, мы отправились в одну крупную венскую типографию. Здесь как раз был обеденный перерыв, и наборщик Гюнтер Диббарора охотно уделил мне несколько минут. Он принимал участие в VI Всемирном фестивале и сейчас с волнением вспоминает о Москве. Во время Венского фести-

вала он взял отпуск и вызвался бесплатно сопроводить корейскую делегацию — знакомить ее с достопримечательностями города.

— Я видел выступления молодых мастеров искусства разных стран, — говорит Гюнтер. — Я слушаю Пола Робсона на площади Хельденплац. Это может с этим сравниться! Фестиваль в Вене закончился, но его идеи живут. Они существуют по земле, будут надежду, воодушевляют и зовут с новыми силами сражаться за мир.

Мне интересно было узнать, какое впечатление произвел VII фестиваль на людей искусства, и я обратился с таким вопросом к солистке Венского национального балета Хеди Ряттер.

— Я видела Нью-Йоркских «Сити-балет» и Салдер-ульский балет в Лондоне. Я хорошо знакома с французским хореографиче-

ским искусством. Но должна со всей искренностью сказать, что такого балета, как ленинградский, мне никогда не доводилось видеть. — А что вам больше всего понравилось из того, что показывали ленинградцы в Вене!

— «Каменный цветок!» — с восторгом воскликнула балерина. — Это было поистине грандиозно... Прощу передать через журнал «Смена» сердечный привет артистам ленинградского балета...

Особенно запомнился мне разговор с двадцатитрехлетним артистом Францем Дворакем. Ему тоже очень понравились выступления советских артистов.

— Мне хотелось все увидеть, ничего не пропустить, — замечает

Франц. — В те дни я очень мало спал. Когда заканчивался концерт с участием русских артистов, я спускался в китайский цирк. А выйдя из китайского цирка, я отправлялся в противояпонскую часть города, чтобы послушать шотландских волонтеров...

Светлые, миролюбивые идеи фестиваля так захватили юношу, что он решил порвать с Союзом социалистической молодежи и вступить в Союз свободной австрийской молодежи. Правда, из-за этого Францу пришлось выдержать не один «бой с отцом» — членом социалистической партии, который не желал, чтобы его сын изменял «семейным традициям».

В Вене очень много старых домов. Здесь есть и такие трущобы, куда редко проникает солнечный луч. В одном из подобных жилищ познакомился я с двадцатитрехлетней работницей Марией Аберле и ее мужем. Одно время Марья состояла в организации молодых клериков. Но это было давно. Сейчас она придерживается совсем других взглядов. Молодая женщина поняла, что самое важное — это мир и

ДНЕИ

дружба и что за мир надо бороться. Мария и ее муж обрели много друзей в дни фестиваля. Среди них — болгары, арабы, шот-

ландцы, румыны, русские. И хотя им приходилось объясняться на разных языках, они прекрасно понимали друг друга: ведь язык дружбы близок и понятен каждому.

С трогательной теплотой говорили о Венском фестивале и служащая Эдит Рошер и молодой

химик-лаборант Вальтер Крейтмайер. Фестиваль оставил в памяти и в сердцах молодых венцев неизгладимый след. И это надо сказать не только о молодежи. Вся Вена до сих пор живет воспоминаниями о великом форуме юности.

Вена.

Малый заповорный

В те дни, когда восторженная Вена приветствовала посланцев VII Всемирного фестиваля молодежи и студентов, далеко за Полярным кругом, в небольшом портовом норвежском городе Киркенесе, встретились юноши и девушки из северных областей Норвегии, Финляндии и Советского Союза. Они собрались сюда на свой фестиваль, который получил название «Малый заповорный».

Организованный по инициативе Норвежского коммунистического союза молодежи и Норвежского фестивального комитета, он проходил под знаком лозунга, что и Венский фестиваль, — «За мир и дружбу!»

Казалось, от пышного венского феерверка отлетела одна яркая звезда и упала в скалистый район Киркенеса, осветив его радостным светом. Вечерие и дружеские беседы, спортивные соревнования и концерты, походы и демонстрации запомнили семь замечательных дней в жизни этого сурового края.

Сердцем фестиваля была Киркенеская школа, где размещался международный лагерь. Около двусторонней юности и девушек трех стран жили здесь. Над входом в школу, касаясь друг друга, развеивались государственные флаги СССР, Норвегии, Финляндии и флаг Всемирной Федерации Демократической молодежи. Сюда приходили жители не только Киркенеса, но и других городов Северной Норвегии.

Пятьдесят юношей и девушек приехали из Советского Союза. Среди них были рыбаки, рабочие, инженеры, спортсмены, молодые артисты, студенты, комсомольские работники. Советских гостей врасплох встречали с открытым сердцем. Часто короткое знакомство переходило в дружбу. На руднике и заводе горнорудной компании Сюдварангер, куда однажды приехали посланцы СССР, сразу установилась прочная дружба с местными рабочими. Многие из них потом приходили в школу, а наши ребята бывали у них дома. И всюду шли задумчивые беседы о жизни и труде норвежских и советских людей, о мире и дружбе.

Мир и дружба был посвящен многолюдный митинг, в котором приняли участие жители Киркенеса. Молодежь трех стран поклялась: пока бьется сердце, бороться против агрессивных военных блоков, против темных сил войны. «Мы выступим за то», — заявили они, — чтобы над миром звучали веселые песни молодежи, а не разрывы атомных и водородных бомб».

Трое юношей — финн, норвежец и русский, — стоя у подножия памятника советским воинам и норвежским патриотам, погибшим в годы второй мировой войны, провозгласили:

— Не бывает войны! Мы хотим мира!

С самого начала советская делегация оказалась в центре вни-

мания участников фестиваля, общестественности Киркенеса, газет. Наши спортсмены и артисты покорили своим искусством сердца многочисленных зрителей.

Интерес норвежцев к СССР с каждым днем возрастал. Советские делегаты были просто не в состоянии встретиться со всеми, кто хотел этого. Тогда решили провести «Вечер вопросов и ответов».

На вечер собралось много народу. За одним столом сидели коммунисты и социал-демократы, юноши и девушки, сельхозработники и женщины.

Спрашивали обо всем: о школьном и высшем образовании в СССР, о положении рыбаков, сколько они зарабатывают, какие платят налоги. Интересовались комсомолом и советской демократией.

Обстановка была самая непринужденная. Часто шутили. Среди вопросов попадались и такие:

— Все ли в СССР коммунисты?

— С какого класса в школе начинают преподавать марксизм-ленинизм?

— Сколько лет после окончания вуза молодой специалист должен выплачивать долг государству за обучение?

Нам, советским людям, эти вопросы казались смешными и наивными, но некоторые делегаты принимали их всерьез; мы понимали, что имеем дело с людьми, сбитами с толку реакционной пропагандой.

Вечер прозвучал огромным впечатлением. Норвежские друзья рассказывали позже, что в городе только и говорили о том, что люди узнали о Советском Союзе.

А дни шли. И как ни грустно было, пришла пора расставаться. Утешили себя нехитрой, но очень кстати сказанной кем-то фразой: «Если б не было прощаний, то и не было бы встречи».

До новой встречи, друзья! «Малый заповорный фестиваль» являлся важным событием в международном молодежном движении. Он еще раз показал, что молодежь Северной Европы стремится к дружбе, взаимопониманию и сотрудничеству во имя мира во всем мире.

Ю. БАБИКОВ,
В. КУДЯКОВ

В один из дней фестиваля наши футболисты встретились со сборной города Киркенеса.

У памятника советским воинам, павшим в боях за Киркенес.

Игра закончена, но Стяпес Бу-
тузгаев, тренер новых чемпи-
онов мира, ждало еще одно по-
пытание...

ЧЕМПИОНАТ МИРА

Тенет
Конст. Вишневского.
Фото В. Тюкеля.

Итак, наши победили баскетболу среди женских команд закончен. Подведены итоги, распределены места. Газеты описали последний матч, опубликовали цифры. Но это еще не все.

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ

На первый взгляд это может показаться странным,

но на чемпионате не было слабых команд. Парадокс! Нет, закономерности! В Москву приехали сильные и сильнейшие команды. Три сильнейших — СССР, Болгария и Чехословакия. Остальные пять играли почти на одном уровне. Трудно сказать, кто из них был лучше: полны или спортсмены Югославия, корейцы или баскетболистки Венгрии и Румынии. Всех их

отличает высокая техника, быстрота, задр. Не хватает ни, пожалуй, лишь такого опыта и выдержки, которыми обладают топ лидеры, особенно баскетболистки Советского Союза. Раньше командами «спортсмен» называли спортсменов или параванства — Демократической Республи-

ки. Ее даже называли «грозой лидеров»: ведь чемпионки Европы — команда Болгарии — победили корейков с минимальным преимуществом в 6 очков.

Вот почему все встречи чемпионата проходили остро, напряженно и интересно. И часто победительницы покидали площадку под грохот аплодисментов.

Да, в Москву приехали самые сильные команды мира, хотя среди них не было бывшего чемпиона — команды США. Президент Итальянской федерации баскетбола г-н Дефни Скюри, который возглавлял техническую комиссию, сказал: — Никого не должно смущать, что на чемпионате мира нет американских баскетболисток. Раз они не приехали защищать свое звание чемпионок мира — значит, они сейчас не так уж сильны. Во всяком случае, те все же команды, которые борются за золотые медали, действительно сильнейшие в мире.

Возможно, что и команды других капиталистических стран ушли этот фант. Формально их отказ мотивировался отсутствием финансовых возможностей...

ПОЧЕМУ НАШИ ВЫИГРАЛИ!

Хотя встречи чемпионата проводились по круговой, а не по олимпийской системе, все же был финал: СССР — Болгария. Только в последний день, в последние 18 минут последнего матча стало ясно, что будет новым чемпионом мира. Вадя и болгарки и наши пришли к финишу без единого поражения.

Перед началом встречи болгарский тренер Димитр Митев уклончиво сказал:

— Теоретически советская команда превосходит сборную Болгарии. А как дело будет обстоять на практике, посмотрим...

Почти ту же самую мысль выразил генеральный секретарь Международной федерации баскетбола г-н Джос. — Видите ли, — с к а з а л он советская команда, но конечно, сильнейшая. Но болгарки находятся сейчас в форме.

«Команда Вани Войновки» — так называют сборную Болгарии. И действительно, эта рослая блондинка с мужскими руками именем может быть признана лучшей баскетболисткой мира. Она играет умело, сполнояно, хорошо видит площадку, остро раскрывает мяч, чисто и точно «кладет» его в кольцо. Войнова — сила сборной Болгарии, но она же и ее слабость: уход Вани с площадки сильно влиял на игру ее подруг.

В противоположность своему противнику команда Советского Союза обладает ровным составом. Тренер может безболезненно менять игроков: от этого командамисколько не страдает. Но, конечно, и у нас в каждой игре были свои «звезды».

Блестяще выступала Гайна Ирощанская — героиня встречи со сборной Чехословакии. Радовали зрителя Валентина Костивале, Нина Еремина, Нина Мансимилова, Раиса Кузнецова. Но настоящей сенсацией чемпионата стала самая молодая и самая рослая в команде 16-летняя Скарлетта Смиландина. Это ее точные броски означают переход в ответственной встрече с чемпионками Европы — сборной Болгарии. 26 очков, которые она принесла команде, помогли получить нашим баскетболисткам золотые медали чемпионки мира.

Но главное, что решило исход встречи, — это, конечно, огромная выдержка и воля к победе. Болгарки ни в коем случае не уступали нашим в мастерстве, но не выдержали темпа, высокого напряжения и в середине второго тайма, как говорят спортсмены, «опомалелись».

Наши оказались сильнее не только теоретически, но и на практике!

ОТ КРУЖКОВ К УНИВЕРСИТЕТУ ТРУДА

Мастер Николай Белов (первый слева) проводит занятия с рабочими цеха.
Фото М. Славина.

Они медленно везли на заводское дело, электровозы, направленные в ремонт, и, останавливаясь, устало опускали электродуги. Мастер Николай Белов собрал бригаду монтажников и невольно говорил:

— Еще один миллионщик пожаловал в «жентилку». Пошли взглянем на него, ребята!

Просматривая технический паспорт, бригада убеждалась, что электровоз «набегал» миллион шестисот тысяч километров.

— Что же! Инструкция есть инструкция! — вздыхал Белов, принимаясь за работу, и всякой раз испытывал глубокое чувство неудовлетворенности.

Дело в том, что по инструкции, изданной Министерством путей сообщения, монтажники ремонтного цеха должны были полностью обновлять провода в электровозах, прошедших миллион шестьсот тысяч километров. Длина этих проводов составляет одиннадцать километров. Все они из дорожной нады, а главное, как предполагал Белов, они могут прослужить еще очень долго. Казалось бы, что особенного? Делай свое дело. В министерстве лучше знают, когда надо провести ремонт! Но в бригаде мастера Белова думали иначе. Ведь это не простая бригада, а коммунистическая! И сам Николай недаром был раньше секретарем комсомольской организации.

Тысяч рублей, — рассуждал Николай Белов. — А электровозов ремонтируют сотни. Значит, в год только по одному заводу можно сэкономить миллионы!

Рассказал обо всем в бригаде. Там руками развели: «Значит, медный провод чуть ли не дороже золотого обходится? Зря на ветер государственные деньги бросаем!» А слесарь Владимир Агафонов даже на зуб попробовал провода.

— Елки зеленые! Старый от нового не отличишь! Да на нем еще свободно миллион километров «набегать» можно!

Разговоры на эту тему были много. Белов думал: «Срок межремонтного пробега электровозов можно удлинить — это факт!» Осматривая новые сваи, он убеждал себя: «Вот! Бы всякой бригадой явиться в министерство на техсовет да и рассказать о на-

ших сомнениях! Но ведь предложение обокладать надо, а знаний не хватает. Здорово было бы, если бы в цехе удалось организовать всеобщее техническое обучение рабочих. Сколько новых специалистов поступит в БРИЗ!»

Через неделю Белов зашел в заводской кабинет технической пропаганды посоветоваться с инженером Виталием Семеновичем Алейниковым.

— Дело хорошее! — сказал инженер. — Мы вам, конечно, поможем. Однако смотри! Преподавателей надо! Деньги им платить надо! А где их взять?

— Это какие такие деньги! — Николай покраснел от смущения. — У нас бригада коммунистическая! Нам знания нужны, чтоб государственные деньги экономить! Мы не хотим, чтобы нас учили за плату!

Рассердился и ушел, хлопнул дверью. А через два дня снова заглянул к Алейникову и положил на стол тетрадь.

— Это что? — удивился Алейников.

— План занятий... Виталий Семенович открыл тетрадь. На первой странице шло оглавление:

Раздел I. Основы электротехники. 10 часов.

Раздел II. Электрические машины. 10 часов.

Раздел III. Электровозы. 50 часов.

Под каждым разделом давались подробные объяснения.

— Толково составлено. С головой, — похвалил инженер. — А кто занятия вести будет?

— Я. Все-таки диплом техника имею...

Так в цехе ремонта электровозов Перовского завода по ремонту электроподвижного состава возник кружок по повышению технических знаний. По вечерам на дверях красного уголка повесили плакат: «Аудитория «Всетебуч». Занятия проводит мастер Николай Белов. Просим не мешать: идет урок!»

Заскучившись допоздна. Изучили не только основы электротехники, но и все существующие схемы электротяги. На каждом занятии невольно возвращались к основной и тому, могут ли электровозы без замены проводов «пробежать» три миллиона километров? Выходило, надо. Владимир Агафонов, доказывая это, уже не пробовал проводники на зуб, а две минуты собирал на опыльном столе сваи и, покашливая, бойко писал мелом формулы.

Когда монтажники уверовали, что могут сами все доказать, рассказали о своих предложениях руководящим работникам министерства. Те послушали, посоветовались, а потом одобрили: «Молодцы!» Инструкцию изменили. Бригада Николая Белова помогла государству сэкономить миллионы рублей.

Кружки по повышению технических знаний стали создавать и в других цехах завода. По примеру Николая Белова с рабочими начали проводить занятия инженеры Герман Ушаков, Николай Голубинцев и Геннадий Воронин. Как-то на участок Белова пришла студентка химической лаборатории, секретарь комсомольской организации инженер Ира Клещева.

— У вас ребята мысленные! Я могу прочесть лекции «Химия в народном хозяйстве» и «Пластмасса в машиностроении!»

— Таких гостей честь и место! — сказали «мысленные ребята».

После одной из лекций к Николаю Белову подошли слесари Григорьев, Казаков и Булкин.

— Как же это получается? Всюду стремятся забрать металл и

деревяные пластмассами. А вот в вагонах электропоездов, которые нам приходится ремонтировать, полы деревянные. Так! Их покрывают линолеумом. Так! Стены вагонов облицованы деревянными панелями. При капитальном ремонте все дерево и линолеум приходится менять. Это же бешеные деньги! Не лучше ли деревянные панели заменить пластмассовыми, а деревянный пол — кислотным?

Написали коллективное письмо в министерство. Оттуда ответили, что предложение ценное и в электропоездах будет сделана соответствующая замена.

...Вот какие результаты дал «Всетебуч» на Перовском заводе. Когда же в партком заслушали отчеты инженеров-преподавателей о работе цеховых кружков, то решили объединить все кружки и создать вечерний университет по всеобщему техническому обучению. В нем будут заниматься несколько сот рабочих, а преподавать — заводские инженеры и мастера.

«Всетебучу» распахнул двери... С. МАРЬЯНИН г. Перово.

ЗНАМЯ ДЕВЯТОГО ЛЕГИОНА

Рассказ

Листья опали за одну ночь. Ветер гнал их по улицам, переброженным мешками с песком и противотанковыми ежками; они скланивалисьazole вокзалов, у входа в метро, на остановках трамвая, как будто в эти тревожные дни осень хотела быть ближе к людям.

Андрей Лежен вышел на улицу с небольшим чемоданом в руках, остановившисьazole подъезда. Кажется, он все успел сделать. Сейчас подойдет машина, и он уедет. Поезд отходит с Ярославского в третьем часу...

Но машина не появилась.
На перушке стояла колонна солдат. С прижатыми штыками они идут по мостовой, и впереди в строю песня:

Не смеет крылья черные
Над Родиной летать...
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать!

Песня заливает под самое небо, туда, где звезды белые облака аэропланов. Она бытает в каждой оне, в каждой сердце. Слышится, Лежен, это песня твоего девятого легиона, Лежен!

Равну на груди пальто, словно ему недостаточно воздуха, старик шагает рядом с колонной.

Дедушка... — зовет запевала... — аба с мамки! Быстро шагает молодость. Только что они были рядом, а теперь хвост колонны уже еле виден. А он действительно дедушка, который ядру воображал, что ему двадцать лет и он спешит на зов выстрелов последней баррикады, отбивающей взрослые атаки версальцев.

На вокзале вонюлись друзья. А Лежен был даже рад, что пришел к самому отправлению: он не любил прощаний.

Не надо... — прижимая к мюровой щеке друга, сказал Лежен. — Брось, не надо. Я сегодня шел со своим легионом... И улыбнулся крешками губ.

Потом он стоял на подножке, строгий, седой. Пока не смирлись очертания московских улиц, проводник не решился позвать его вагон.

Стучат колеса... Тяжелое идет поезд. Он тоже не может вот так просто уйти от любимого города. За окном сгущаются сумерки, а когда всплывает свет, виден столб, на котором в беспорядке разбросаны мшоны, почвены, табак. В тумане тускло мерно дробозет чайная ложка. Старик сердито косится на нее, но ложки не вынимает. Звук чем-то напоминает познание колокольчика. Конечно, это было: солнечные бульвары, радостный смех детей, которые, усажившись в позолоченные сядла, выхрем пролетали на смешных мохнатых пони. Нет, Андрей не катался. На долю мальчишки из предместья досталась только счастливых перезов бубенцов. За это же надо пласть.

Дань-инь-чэн... Еще так свистят пули, когда, сриснистая с камня булыжников, проносятся над головой.

Скрипя на тормозах, поезд останавливается. За дверью торопыше шаги, пригнущенные голоса чьего-то стопа. Словно из вагона слышен голос: — В ваш вагон мы двух раненых поместили.

Лежен мгновенно вспоминает, что едет в поезд госпиталь в отдельном купе. Он открывает дверь и просит:

— Помогите... но мне. Я один.

— Мадам доктор может полизиться на старика Лежена. Он немножко знаком с медициной. Да, да, в жизни все приходилось. Пусть мадам не сомневается, ученик аптекаря из Бонлье еще не забывает, как перевязать порезы. Все будет в порядке, товарищ.

На цыпочках Лежен входит в купе и присаживается на краешек постели молодого красноармейца. Юноша кого-то зовет в бреду, просит найти его руку: «В канав там,azole кустов, где пушки, там рука осталась... Скоро...

В 1871 году двадцатичетырехлетний Андрей Лежен, сын рабочего, сражался на баррикадах Парижской коммуны. Сильный версальцами в плен, он лишь случайно избежал расстрела, отбыл каторгу, сослужу.

В 1922 году Лежен вступил в Коммунистическую партию Франции, а через шесть лет переехал в Советский Союз. Андрей Лежен похоронен в Новосибирске. О последних месяцах его жизни повествует рассказ А. Пальма.

С отцовской нежностью Лежен гладит стриженую голову и шепчет полубыстрые ласковые слова, какие обычно говорят детям. Нальнувшее чувство любви пробуждает в душе Лежена неодолимое желание, чтобы раненый открыл глаза, и тогда он сможет ему сказать главное, то, что должен сказать отцу сыну: «Мой мальчик, очнись! Как ни тяжело тебе, равни, они заживут, молодость излечит тебя. А старую Лежен труднее. Он только хабрился да совет таблетки нитроглицерина. Он уже почти не помогает. Сердце останавливается, холодеет кровь, темные круги плывут перед глазами. Я боюсь только одного — не успею поговорить с тобой... Я тринадцать лет живу в Советском Союзе — это моя вторая родина. Ты защищаешь ее баррикады вышка, мой мальчик...»

— Мы вместе были на Можайской шоссе... — словно угадывая мысли Лежена, говорит второй раненый, капитан. — Ночью танки пошли на нас... Много.

***

Третьего дня на передний край батальона обрушился урганый огонь. Ставкивались, перелетываясь а дым, мелкаяи огненные нити трасирующихся пуль. Памя захлестывало оковы, оглушительный грохот не прекращался ни на минуту. Отпавшая разрухой в зубах песок, капитан Гребнев нащупал холодную нитку телефонного кабеля, идущего от орудий на передовую. Вдур распахнул дверь блиндажа, впуская каважонку визг мин и облитую зеленым светом сгребленную фигуру снажонко. «Бонтаж...» — подумал капитан. Совсем рядом ухнула мина, и а потолка лезть посыпалась земля.

— Накрой котелок в углу! — приказал капитан.

Спокойный тон и необычное для этой минуты приказание отрезали телефониста Богданова.

— Подойдешь со мной на передовую, — не меняя тона, приказал капитан.

Пригibas, они обежали по ходам сообщения. Богданов видел широкую спину командира и не мог простить себе минутной слабости. «Теперь засмеет, как пить дать, засмеют... шептали его пухлые пересохшие губы. А Гребневу было не до боя. Он уловил скороговорку своих орудий. Началось! Капитан выгнулся из-за бруствера. Прямо на них полусредом шли танки, сцепившись колесными вальчиками. Там, где находилась батарея, поднялись гребни алых разрывов. Накрыли!

— За мной! — крикнул Богданову капитан и, уже не пригибаясь, бросился к орудиям. Он отстринул обожженного заводчика, принял в пластрем и скорей сердцем, чем рассудком, поняв, что со второго выстрела зажег фашистский танк. Танк горел, окутываясь пьюльсующими пламенем. Три других продолжали вести огонь.

Сильно прошло времени, капитан не знал. Время в бою измеряется наличием снарядов. Когда они кончатся, кончатся все...

За день фашисты восемнадцать раз ходили в атаку, и восемнадцать раз батальон, в котором к исходу дня осталось четыре гехотенца и два тяжелораненых артиллериста, не давал врагу занять высоту...

***

...Стучат колеса. Меняется небо над головой, мняются звезды, поезд идет на восток. Лежен слушает капитана, и в памяти возникают картины войны. Истоит все-таки повторится, как истинно, которую человечество а конце концов должно усвоить: генерал Домбровский, командант гарнизона Парижской коммуны, погиб на улице Мира.

В атаку и счастие для всех людей сражался и Андрей Лежен. Никогда не забудет он по-слюдно стичку с отрядом версальцев, которыми командовал офицер Дантез, убица Пушкина. Париж горел уже две недели, как гигантский костер. Глухо ровели митральезы на кладбище Пер-Лашез, в Бульваре и Шаронне — тут последние коммуны стояли насмерть. На исходе дня 28 мая 1871 года командир легиона, в котором сражался Лежен, сказал просто: «Юри и Лежен, вы увидите со знаменем. Знамя должно улететь. Оно соберет новых коммунарлов. Все!»

Друзья выполнили приказ. А проидет полвека, и Французская коммунистическая партия передаст знамя Коммуны русскому пролетариату.

Все правильно...

***

В Новосибирске, куда прибыл эшелон, Лежен простился с новыми друзьями — Гребневым и Богдановым. Двухдневная дорога утомляла его. Он слег в постель.

В ночь под Новый год Лежен побрился и попросил дядьку бриться. Надо написать то, что обещал в поезде солдату Богданову. Наскоро строк. Коротко, как заведение. Он усеял на кровати, положив на колени книгу. Одеревяневшие пальцы плохо слушались. Буквы получались неровными! — в разные стороны, но он писал:

«Дорогие товарищи!

Последний ветеран Парижской коммуны шлет вам наилучшие поздравления к новому, 1942 году и желает, чтобы этот год был годом светлых побед, годом, который изменит лицо нашей планеты, годом, который уничтожит навсегда самого злейшего врага человечества — фашизм.

Вы, мои дорогие, в одной руке держите знамя великой революции, а в другой — винтовку. И вы победите. Помните, вы боретесь не только за свободу и счастье молодого поколения Советской страны, но и за свободу и счастье молодого поколения всего мира.

...Я, последний из тех, кто сражался на баррикадах Парижской коммуны, умираю летом назад, был тогда так же молод и смел, как и вы...

Моя страна опять попала под немецко-фашистское иго, но революционные традиции и французский народ не умерли. Народ беструшечно рвет цепи рабства, и недалеко тот час, когда он завоеует свободу.

Крепко жму ваши руки...

Да здравствует Красная Армия!
Да здравствует Паринская коммуна!

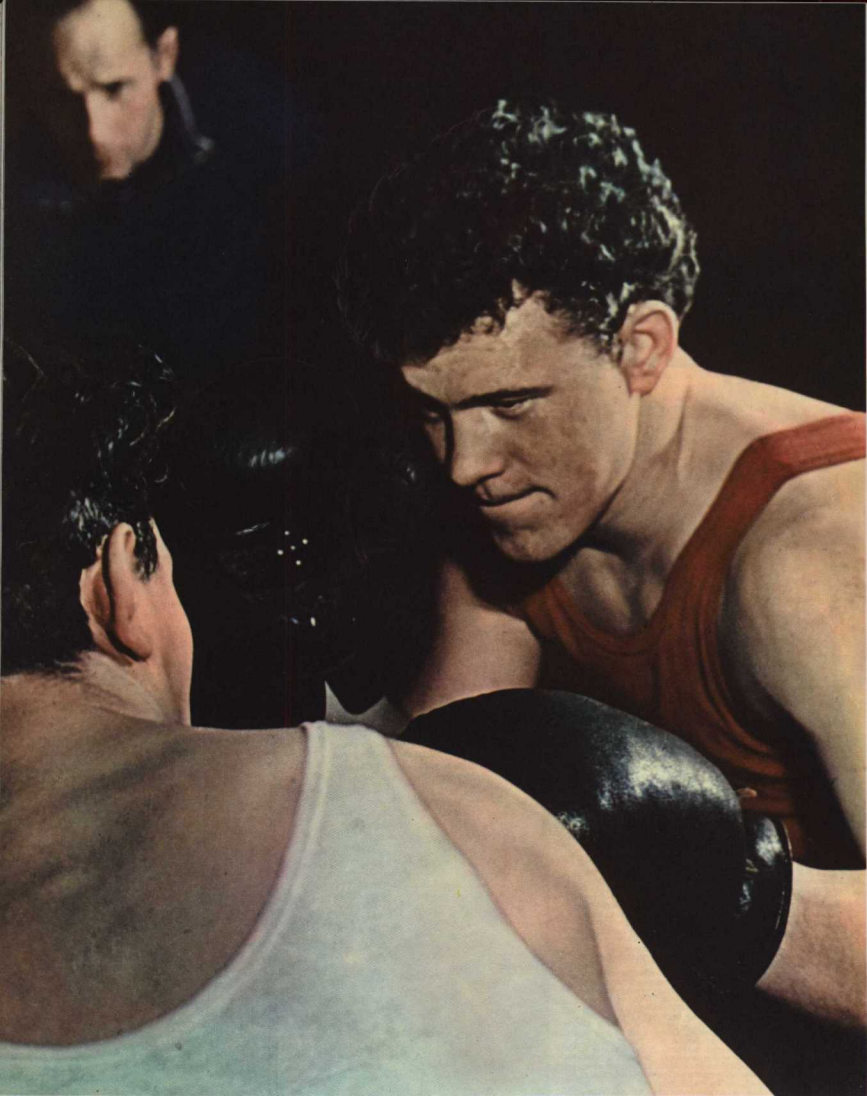
Берегите вылазку из обстреливаемых рук. А в подернутый морозом оно забился пупурный закат. На какое-то мгновение он ярко осветил камнату.

По улице в это время шли две солдат. Они отпавали знаменное окошко, вытряхивали из нее, как положено по воинскому уставу, отдала честь.

Наступление Коммуны продолжалось.

А. ПАЛЬМА

На ринге — молодые производственники Первого государственного подшпильного завода Анатолий Сопот (справа) и Валентин Нестеров.

Фото М. Муразова

ПЕРЕБЕЖЧИК

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ)

Толое Полесье избавилось от буржуазной и белогвардейской нечисти и в деревнях забелели крыши построек, как потекли сода из рубежа грязные ручьи бандагитов. Особенно старелась банда Иваны Галака: расстрелявали, вешали и сжигали людей жалко.

Галак был неуловим. Открытого боя он не принимал, а узнав о приближении воинских частей, прятался в лесах и оврагах. Потом через несколько дней банда неожиданно появлялась в другом месте и опять исчезала, словно сквозь землю проваливалась.

***

...Командир отряда по борьбе с бандитизмом Ткачук ходил по избе, нервно терял бороду.

Плохой дела, Голованов! — сказал он помойщику. — Галак крутится где-то поблизости в лесах, за болотами. Да как туда приступить? А бандиты спуют по деревням. Веша один был у нас. Прикинуешь анички. Ткачук оставался посреди избы. Подумал. Пошел вплотную к Голованову и шепотом: — Надо, братец, внимательно следить за отрядом. Обна парашива овца, сам знаешь... Вот новенький, который из Мозыря пришел... Кто его фамилия?

— Заграй.
— Да, да. Заграй. Плохой красноремец. Подозрительный элемент. Надо проследить... Зоркий глаз у Ткачука! Голованов в этом скоро убедится. Новое словечко: нет Заграй. Как вышел из избы и куда пошел, никто не заметил. Вернулся он на рассвете и лег спать.

На следующую ночь Голованов укрался шпальце и приволок спящих. Когда вез отряд, кроме насозных, спал крепким сном, спел с полатей Заграй, подошел к керосинке, вынул бумажку и начал на ней что-то чертить карандашом. Голованов сорвался с места, подскочил к нему:

— Что пишешь?
— А тебе что? Письмо домой.
— Покажи!

Заграй выхватил маузер, направил на Голованова, а сам попытался к двери.
Тут повскакали красноармейцы, связали Заграя. В записке его сообщалось (кому — неизвестно): в отряде столько винтовок, пулеметов... Ясное дело, что за птица этот повсюк!

Зоркий глаз у Ткачука!

***

Заграй заперли в пустой амбар. Поставили часового.

Скоро пришел Ткачук. Попросил Голованова вынуть постоять у дверей снаружи: лучше поговорить с Заграем наедине.

Через полчаса вышел из амбара Ткачук расстроенный, злой.
— Утираешь, черт! Ни чьм не сознается. Но дело ясное — банда бандитом. Загря отравим в губернию. А пока явля, ребята, по местам... Спать... Кто часовой?

***

Утром в отряде переполох: Заграй бежал. Часовой, Служко арестовали и отправили в уезд на гауптвахту: судить будут.
Кинулся ребята по деревне, на ближайшем хутора, искали, рыскали. И след пропал. Ткачук велел по всем соседним деревням расклеить объявление, в котором обещал награду тому, кто словит предателя.

А Заграй так как нет.

— Соли бы ему на хвост насыпали! — шутя тили деревенские острялоны.

***

Вторую неделю ждал Заграй в землянке Галака. Галак давно знает его историю: как болшевики хотели расстрелять Заграя, как он бежал. Но хитрый и осторожный Галак все жорко присматривает за перебежчиком.

К концу недели Галак начал понемногу ему доверять. Заграй знал расположение воинских частей в районе и выложил все на чистую. Галак проверил некоторые из его данных через своих людей. Все верно.

Наутро отряд пошел на «дело»: грабить кооператив в ближайшей деревне. Остался в землянке только Галак: он на такую мелкую работу не ходил.
Когда вечерние тени обволокли лес и вдали на болоте загорели тусклые огоньки, вся банда собралась у землянки.

Заграй являлся в борьбу с Костей Чумой. Чума был паре не промах: сразу положил Заграя на явля дерно.

— Слав в тебе есть! — сказал Заграй, подымаясь с земли и отряхиваясь, — а ловкость? На это дерно сможешь влезть?

— Ты свою угадай раньше пожоки.
— Заграй оглядел дерно, плюнул в ладони и начал харкается. Только долез до половины и встал было на сук передохнуть, как вдруг сорвался и полетел вниз.

Раздался хохот: очень уж смешно летел Заграй с дерва. Но смех сразу оборвался. Заграй стоял и держался за ногу, был бадеи, как мел. Его потащили в землянку и уложили.

Всю ночь ворочался Заграй и стонал.
Раным-рано, когда весь лес еще спал, банда гуськом потащила на «работу». В землянке остались двое Галака и большой Заграй.

Заграй давно утих и хралел.
Но вот он встал и посмотрел на часы. Достал пипиросу. Попырял в карманах...
— Атаман, спишь? Спичку дай бы...

Нет ответа.
— Спишь, атаман? Спичку...

Молчанье.
Заграй, охая (нога еще болела), начал шарить по землянке.
Подошел ближе к Галаку:
— Спичку дай...

— Заграй нагнулся. Быстро выпрямился. Сверкнуло оружие...
***

Бежал Заграй через ложбин, болота и кустарники. В полдень добрался в волость. Кинулся к председателю ревкома, отозвал его в сторону.

— Висте что, товарищ. Я тебя знаю... И потому говорю... Я чекист Семенов. Сегодня убил Галака. Скорее лошадей...

— Как так убил?
— Так... Сприсню у Ткачука: мы с ним обделали эту штуку...

В начале 1926 года советское посольство в Берлине отправило в Москву очередную почту. Это пошел дипломатический курьер — тридцатилетний латвийский коммунист Теодор Нетте.

...На рассвете 5 февраля, когда поезд мчался по заснеженному простору Латвии, по коридору вагона, крудясь, прохляг нетеро. Это были агенты иностранной разведки. Шпики рассчитывали застрелить спящих советских дискурьеров — Т. Нетте и его товарища И. Мямстасла, а затем погнать почту и скрыться.

Но они проснулись. Дискурьеры не спали. На выстрелы бандитов первым ответил Нетте. Два солдата и иностранец, истекая кровью, мужественно защищали доверенные им государственные документы.

Почта была спасена. Защищавший ее дипломатический курьер Теодор Нетте погнать.

Я был учителем Теодора Нетте и работал вместе с ним на дипломатическом поприще. Хочется рассказать об этом замечательном человеке.

Он родился в семье сапожника. Из-за бедности не смог окончить даже начальную школу. Но у паренка была огромная тяга к знаниям. Работая в сапожной мастерской по 11—12 часов, за-

ГЕРОИ СТАРШИХ ПОКОЛЕНИЙ

ТОВАРИЩ ТЕОДОР НЕТТЕ

ки, он поступил на вечерние трехгодичные курсы — единственный в дореволюционной Риге «рабочий университет». Лекция там читали прогрессивные учителя и студенты, участники первой русской революции. На уроках истории, литературы, естествознания преподаватели несли пропаганду научного социализма. Там я — один из педагогов — и познакомился с курсантом Нетте.

Разумеется, курсиветете был под надзором тайной полиции, и частью среди слушателей по являлись ее агенты. Но курсанты охраняли преподавателей: если в аудитории появлялся подозрительный человек, лектор тотчас получал предупредительный записку. Как сейчас, помню озабоченное лицо Теодора Нетте, когда он передавал мне такие записки.

Накануне первой мировой войны двадцатилетний Неттеступил в партию большевиков. Ни на

правился в Нетте любовь к литературе — и советской и зарубежной.

Я был поражен! — как-то сказал Маяковский. — Как хорошо декламирует Теодор стихи Гейне, Гейне и Шллера!

Подвиги не забываются нашим народом. Советское правительство посмертно наградило Нетте орденом Красного Знамени. На деньги, собранные трудящимися, был построен самолет «Нетте». Имени Нетте назвали судно Черноморского пароходства и одна из школ Сокольнического района Москвы.

В первую годовщину со дня гибели героя на могиле Нетте появились памятники, на pedestalе которого вынесены стихи его друга поэта Демьяна Бедного.
«Нерукотворным памятником» Нетте стало замечательное стихотворение Владимира Маяковского «Товарищу Нетте — пароходу и человеку». Кто из юных не повторил про себя этих замечательных строк:

Встретить я хочу смертный час твй,
ник встретил смерть, товарищ Нетте.

Я. КЛЫВИН,
персональный пенсионер
р. Рига.

Рисунок А. Лурье.

Михаил ПОЗНАНСКИЙ

ПРОВОДЫ

Рассказ

В ноябре 1901 года царские власти решили выслать Алексея Максимовича Горького из Нижнего Новгорода. Пристав Рождественской части Ларион Подшиблю удостоился узнать об этом от самого генерал-губернатора.

— На дядя к тебе обратится господя интеллигенци,— сказал губернатор.— Они будут просить разрешения устроить писателю прощальный банкет в ресторане Филимонова, Ты дашь согласие. Надо показать всяким там либералам, что власти великодушны. Твое же дело—не допустить волнений или демонстраций. Ясно?

Ларион Подшиблю облегченно вздохнул. Еще час назад страх бил его мелкой дрожью. Пристав терялся в догадках: зачем он потребовался губернатору? Окажет ли человек враз можно. Не выдать тогда наградных и пенсии.

— Будет сделано!— радостно пропался Подшиблю. Два дня слово «банкет» тревожило воображение пивагород-

ской интеллигенции. Принять участие в проводах знаменитого писателя было лестным для каждого, и то, что Горький находился под жандармским надзором, придавало такому участию характер мужественного подвига. Дамы спешно обновляли туалеты, бурно обсуждали программу вечера, сервировку стола. К шестому ноябрю обширный коридор филимоновского ресторана был превращен в дополнительный зал, зажгли люстры и свечи. К восьми часам вечера прибыли первые гости: врачи и адвокаты, учителя гимназий и журналисты. Особняком расселись студенты и курястки, служащие ведомств и частных обществ.

Было здесь и несколько человек в косоворотках.

— Господа, господа,— стали лаять столыками голоса озадаченных устроителей встречи,— кто их допустил? Это же курбатовцы¹, а то и сормовичи!

¹ Курбатовы — революционно настроенные рабочие с завода Курбатов.

Но тут раздались аплодисменты. В зал, беседуя с известным в городе присяжным поверенным Яворовским, вошел Горький в черной косоворотке. Увидев застывшие фужерами столы, он поморщился, резко повернулся к адвокату.

— А я не согласен! Нет, как хотите, это не по мне!

Было трудно понять, к чему отнеслись эти слова: к только что высказанной Яворовским мысли или к праздничной торжественности стола.

Писателя подвели к подготовленному для него месту, кто-то потребовал шампанского.

— За здоровье Алексея Максимовича, господа! Над столами поплыли десятки фужеров, отсыпавшая руку писателя. Какая-то дама принялась нараспев декламировать стихи. Ее не слушали. Выяснено весь этот нестройный шум прозвела настойчивый и частый стук ножом о бутылку...

— Слово предоставляется... Внимание, господа! Адвокат Яворовский поднял

руку. Речь его была выразительной и насыщенной выдержками из произведений Горького. Когда зазвучали слова: «Безумству храбрых поем мы песню»,— вновь гудели залы восхитенно.

А у самой двери уже появлялся второй оратор. Ему никто не давал слова. Да он и не просил его. Невысокий, в обычной русской косоворотке, он громко произнес:

— От имени русского рабочего класса, от имени пролетариев Сормова и Молитовки заявляю протест в связи с тем, что высылку из Нижнего Новгорода нашего Горького!.. Это — насилие, которому нет оправдания! Это позор, в котором повинно самодедержание!

Горький оттолкнул от себя бокал с вином, повернулся во всю ширину груди к говорившему и улыбнулся. Его светло-голубые глаза искрились.

Зал настроенно загалдел. Шокированные дамы восклицали, что-то бессвязное, чиновники стуцали видалками о посуду и беспокойно ерзали на стульях. Какой-то господин выскочил из-за банкетного стола.

— Прекратите! Это не дозволено!— закричал он.

Человек в косоворотке не обратил на него внимания.

— Вам, господа, несуществующий скажу кратко,— продолжал он,— не выйдете! Не выш Алексей Максимович... И вам не понять его: «Рожденный позать — лететь не может!» Горький встал. Шум в зале затих.

— Говорить я не умею,— произнес Алексей Максимович,— а в ответ на то, что слышал, позволяю прочесть рассказ... Он неторопливо расправил на ладони рукописи, улыбнулся в усы.

— «О писателе, который записал» — слова прозвучали в тишине его голоса.

Читал Горький по памяти, почти не заглядывая в рукопись. А когда закончил, то не ожидая от собравшихся оценки, устало сел на свое место и сразу же заговорил с кем-то из соседей.

Устроители встречи были разочарованы. Дале лет сорока, пятавшись в начале банкета прочитать писателю свои стихи, обижено спросила:

— Мы вас чувствуем, а вы нас ругаете. За что?

— За дело. Или, вернее, за безделье,— отозвался Алексей Максимович.

По домам гости разлежались неселе. Зато молодежь Сормова и Молитовки долго еще шумела, тесно обступив любимого писателя.

— Проплялял, старый дурак! — подвела итог банкету дородная супруга пристава Лариона Подшиблю.— Не выдать тебе наградных!

***

На другой день, 7 ноября, Горький уезжал в Крым. Ветер гнал по улице поземку, ярд в полных оксую волю. Паром и перевоз уже не действовали, а лед в Оке еще не совсем оклеп. Перейти за город в Каванино, к вокзалу, можно было лишь по этому ненадежному льду.

Но молодежь, рискуя жизнью, шла.

ЭНТУЗИАСТЫ МОЛОДЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

Фото Ю. Шадамова.

К отправлению поезда у главного входа в вокзал собралось множество народа. Правильно так: и сорочковские рабочие. И лишь участников прощального банкета можно было перечислять, что называется, по пальцам.

Около пяти вечера в дერях зала ожидания показался Горький. Откуда-то, сначала тихо, потом все яростнее и громче, подсыпавшись слова песни:

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног.

Сотни людей на площади подхватили песню.

В морозном воздухе она звучала торжественно и грозно. Толпа провожающих росла.

Но вот подали состав...
Алексей Максимович неторопливо и широко шагнул по перрону.

— Да здравствует Максим Горький! Да здравствует слово-слово! — раздавались возгласы из толпы.

Как ласточки, взметнувшись над головами несведомо откуда взявшихся прокламации. Их ловили, передавали друг другу, прятали в карман пальто, за пазуху.

Алексей Максимович встал на подножку вагона, держа в руках шапку. Выбрав минутку, когда стихла песня, он обратился к собравшимся:

— Довольно, господа, прошу больше не петь. Я совершенно не ожидал... Я крайне расстроган... Но меня беспокоит: вы все так рычете...

В ответ раздался голос сорочковца:

— Мы вас любим! Да здравствует ваш дорогой Максимович! Последняя снисходительность! Поезд медленно тронулся под звуки революционной песни. Обнажив головы, люди шли за вагоном. Вот он скрылся за поворотом...

Человеческий поток повалил на приколесную площадку. Несколько позанесших пытались рассеять его. Но было поздно. Колонна людей, перейдя Оку, повалилась на центральную улицу — Большой Покровке. Демонстранты несли.

Близ городского театра, на площади, сам собой возник митинг.

— Максим Горький сослан за правду!

— За что?

— За свободное слово! За правду!

— Долей деспотизм!

***

Спустя несколько недель в Нижегородский кремль, к губернатору, были вызваны члены жандармского корпуса и полиции.

— Шляпы, а не офицеры! Вам не мундир, а сарафаны носить! Пьяницы, болтуны, бездельники, остопопы!... встретила их генерал.

В руках у него была газета «Искра». Одна из статей начиналась словами листовки, вывешенной в Нижнем Новгороде: «Мы собираемся провести любимого посетителя М. Горького и выразить крайнее негодование по поводу того, что его выслают из родного города...»

Преступая Рождественской части, Ларин Подобильно сидел, опустив голову, стараясь не глядеть в лицо начальства.

г. Горький.

Когда раздался звонок и в ярко освещенный зал начали входить приглашенные, паров, что им бросилось в глаза, — это множество листовок, белешек на спинках кресел. Казалось, сюда залетела огромная стая голубей.

«Хотите ли вы знать о подвигах, учебе и труде своих сверстников? — говорилось в одной из листовок. — Знаете ли вы о тайнах пустынь Каракумы, о пожарах без огня, о плавающих ирландцах, о загадках космоса? Вы узнаете много полезного и увлекательного, научитесь видеть необыкновенное в обычном. Для этого мы советуем вам: выписывайте юношеские газеты и журналы...»

Впрочем, такой призыв содержался не только в листовках. Его можно было прочитать и в областной комсомольской газете и услышать по радио: в Ленинграде проходит месячник молодежной печати. Это событие и был посвящен вечер в Доме культуры работников связи.

Здесь собрался цвет комсомольских организаций города, читатели и распространители молодежных газет и журналов. Эти юноши и девушки зарекомендовали себя умелыми пропагандистами комсомольских изданий. В свободное время они беседуют со своими

сверстниками, убедительно рассказывая им о роли и значении советской печати в коммунистическом воспитании, в борьбе за выполнение семилетнего плана. Целая армия комсомольцев активно участвует в распространении периодической литературы. Только в городе их насчитывается около пяти тысяч. Это люди, привыкшие все делать с душой, с хорошей выдумкой.

«Каждому ударнику коммунистического труда — газету и журнал!» Этот лозунг, впервые прозвучавший на заводе «Электросила», нашел горячий отклик на многих предприятиях Ленинграда. В результате почти вдвое увеличилось число подписчиков на заводе имени Свердлова, на обувной фабрике «Скоророда», в Институте прикладной химии.

Открывая вечер, секретарь Ленинградского городского комитета комсомола Николай Павнов назвал лучших распространителей молодежной печати: Игоря Горбунова, Лидию Хромых, Тамару Висолаву, Татьяну Степановскую, Антонию Макарова. Он призвал всех присутствующих быть с ними пример, с таким же энтузиазмом, как они, включиться в месячник молодежной печати.

После выступления представителей журналов «Молодой

Это здесь, на заводе «Электросила», впервые прозвучал лозунг: «Каждому ударнику коммунистического труда — газету и журнал!». На сцене активные распространители молодежной печати: техник-инструктор Игорь Горбунов (справа) и фрезеровщик Валентин Федоров.

коммунист» и «Смена», поделившихся планами своих редакций на 1960 год, большой группе распространителей комсомольских изданий были торжественно вручены почетные грамоты Ленинградского обкома ВЛКСМ.

Когда во время перерыва одна из подруг поздравляла швейницу подруги фабрики «Скоророда» Лидию Хромых с полученной наградой, девушка с улыбкой сказала:

— Поздравлять будущее после: самая большая работа еще впереди...

Да, Лидя права. И нет сомнений, что комсомольцы города Ленина успешно справятся с этим нужным и полезным делом.

Б. ЗОРИН
г. Ленинград.

Рано утром у здания городского почтамта. Скоро ленинградцы получат свежие газеты и журналы.

ГБ

ИРВИН ШОУ

Рассказ

НАС БЫЛО

Минни Брукс открыл глаза. Даже сквозь задернутые занавесы было видно, что на улице солнце. Он повернул голову. Берт, занимавший другую кровать, еще не проснулся. Минни поднялся с постели, подошел к окну и раздвинул занавесы.

С легкой поднимался туман, а внизу, освещаемая октябрьским солнцем, раскинулась равнина моря. В отдалении, вдоль береговой изгиба, тонулись зеленые вершины Пиренеев.

Осторожно переступил через разбросанную по полу одежду, Минни подошел к кровати Берта и ткнул его в голову плечом:

— Уже одиннадцатый час.

Тот открыл глаза и безразлично уставился в потолок:

— На улице дождь?

— Наоборот, жаркое солнечное утро.

— Мне говорили, что на басконском побережье вечно идут дожди.

— Вранье, — сказал Минни. — Вставай, черт возьми!

Берт медленно спустил ноги на пол.

— Ты знаешь, толстяк, почему в Америке женщины живут дольше мужчин? — спросил он.

— Нет.

— Потому что они спят по утрам. Моя мечта, — он снова вст, — прожить столько же, сколько американская женщина.

Минни подал ему сигарету и закурил сам.

— Пока ты тратил драгоценные часы своего детства на спяние, у меня появилась идея.

— Опусть ее в вонючий для предложений. — Берт зевнул и закрыл глаза.

— Послушай, — с жаром продолжал Минни, — я думаю, нам следует опоздать на пароход.

Некоторое время Берт молча курил.

— Моя идея — не унимался Минни, — заключается в том, чтобы остаться здесь до перемены погоды. Нельзя уезжать в такие дни.

— А что делать с билетами?

— Пошлем телеграмму в пароходство, что поедем позднее. У них огромная очередь — будут в восторге.

Берт задумчиво кивнул.

— А Марта? Может быть, ей надо в Париж?

— Никуда Марта не надо. И никогда, — ответил Минни. — Ты это прекрасно знаешь...

Они надели тенниски, холщовые брюки, сандалии и, поднявшись этажом выше, без стука вошли в комнату Марты. Она еще спала, свернувшись калачиком. Над простыней виднелась копна коротких темных волос.

Минуту Минни и Берт стояли молча. Каждый был убежден, что другой не подозревает о его мыслях.

— Проснись, — сказал Берт и дотронулся до волос Марты.

Минни почувствовал, как кончики его собственных пальцев вздрагивают, словно от электрического тока.

— Пожалуйста, не надо, — проговорила Марта, не открывая глаз.

— Уже почти полдень, — соврал Минни. — Мы хотим тебе кое-что сообщить.

— Говорите скорее и проваливайтесь!

— У этого толстяка, — Берт стоял у изголовья кровати, — появилась идея. Он хочет, чтобы мы остались здесь до начала дождей.

— Прекрасно.

Берт и Минни улыбнулись друг другу.

— Марта, — воскликнула Берт, — ты единственная идеальная девушка!

Впервые они увидели Марту Холл во Флоренции. Может быть, потому, что это случилось в галерее Уффици, около картин Боттичелли, Минни казалось, что она похожа на боттичеллиевскую Весну — высокая, тонкая, с глубокими и задумчивыми глазами. Было нелепо думать так о двадцатилетней американке, носящей брюки. Но Минни ничего не мог поделать с собой.

Марта жила в Европе почти два года, она прекрасно знала, куда нужно пойти непременно и где просто обычная ловушка для туристов. Она говорила по-итальянски и по-французски, не зная, когда надо было прийти несколько кварталов на своих собственных ногах, смеялась шуток Берта и Минни, да и сама была не прочь сострить. Марта никогда не хихикала, не плакала и не дулась. Все это ставило ее выше других девушек, которых знал Минни.

После трех дней, проведенных во Флоренции, Минни и Берт должны были уехать во Францию, но расстаться с Мартой казалось просто немислимым. Насколько им было известно, у нее не было определенных планов. «Я пишу маме, что уеусь в Сорбонне», — говорила она, — и это почти правда, во всяком случае, змыоа.

У Минни и Берт был серьезный разговор, после которого Берт сказал Марте:

— Мы решили, что организаторы турне по Европе могут использовать вас как переводчицу, специалиста по отелям и дегустатора европейских блюд. Кроме того, вы должны создать приятную атмосферу женственности. Это устраивает тебя?

— Да, — сказала Марта.

— Хотелось бы знать, сможем ли мы координировать наши планы? — спросил Минни.

Марта улыбнулась.

— Мои планы состоят в том, чтобы плыть по течению.

— Отлично, — продолжал Берт, — мы с Минни все обсудили и решили выработать несколько необходимых для всех нас правил, чтобы в один прекрасный день не разразилась катастрофа. Если ты согласишься с ними, мы уезжаем завтра, если нет, — ничего страшного, желаем тебе приятно провести лето.

— Ближе к делу, — нетерпеливо перебил его Минни.

целое лето у них ни разу не было разногласий. И даже когда в Сан-Тропе Берт целую неделю ухаживает за маленькой пышной блондинкой из Штатов, это не беспокоит Марту. Впрочем, казалось, Марта вообще не умела беспокоиться. Все события она воспринимала с каким-то сонным спокойствием. Она не писала писем и редко получала их, потому что, переезжая с места на место, почти всегда забывала оставлять свой новый адрес. Когда ей были нужны деньги, она телеграфировала своему парижскому банку и, получив, беззаботно тратила их.

Когда они заговаривали о будущем, Марта пожимала плечами: «Не знаю, наверное, буду просто болтаться. Я придерживаюсь политики дрейфа. Никто из наших сверстников не придумал ничего лучшего. Я жду открытия, которое бы выбрало что-нибудь постоянное. Но не тороплюсь, совсем не тороплюсь».

Как ни странно, но это для Манни делало его интереснее других девушек. Марта делала потому еще ни на чем не остановившись, казалось ему, что не встретила ничего хорошего. И он верил: когда она сделает выбор, это будет что-то большое, оригинальное, замечательное.

Они пролежали на пустынном пляже почти до двух часов, потом, несмотря на холодную воду, решили выкупаться и, чтобы согреться, устроили соревнование. Дистанция была короткая, являл прыжки, но Манни, стараясь не отстать от Марты, совсем задохнулся. Она, перевернувшись на спину, спокойно покачивалась на поверхности воды, когда тяжело дышавший Манни подплыл к ней.

— Все было бы иначе, — Манни улыбался, но все-таки ему было немного стыдно, — если бы не моя астма.

На берегу, закрываясь по очереди большим полотенцем, они переоделись. На Марте был свитер с бело-голубыми полосами и велосипедные туфли. Манни, как никогда, ощутил ни с чем не сравнимое обаяние этой девушки. В своем матросском костюме она казалась такой веселой и вместе с тем странно трогательной.

Вместо завтрака в ресторане было решено устроить пикник. В двухэтажном автомобиле (Марта втиснула посредине) они отправились в город и купили холодного шпелленка, хлеб и немного сыра. Все это вместе с двумя бутылками розового вина поместились в корзину, полученную у торговца фруктами, в лаке которого была куплена огромная ветка голубого винограда. Потом они поехали к старому форту. Поставив автомобиль, забрался на широкий верх белой крепостной стены, выходящей прямо к морю.

Со стены был виден широкая бухта, совершенно пустая, если не считать лодку с маленьким парусом, направляющуюся к мысу Сен-Барт.

Манни чувствовал что-то дикое и опасное в том спокойствии, с которым огромный океан обрушивается на плоский камень стены. У него что-то кружилась голова, — строга вино, он представлял, как был бы беспомощен среди этих волн и скал.

Пока Марта резала шпелленка и раскладывала сыр, хлеб и виноград на кусочках бумаги, Берт подошел к самому краю стены, так что лаваны иг выстукали над его головой, подная вверх ноги, и, глядя на горизонт, стал декламировать:

Волны моря, разбиваясь о холодный
серый камень,
Пусть же мысль моя разбудит слух
неугасимый пламени...

Манни выпил немного вина из бутылки: они не взяли с собой стаканов, — отломил кусочек хлеба и положил на него темное мясо. Берт не переставая жевать, спросил:
— Как вы думаете, может ли способный молодой американец разбогатеть, основав во Франции фабрику для производства бумажных тарелок и стаканов?

— Это испортит невыразимую средиземноморскую атмосферу, — ответила Марта. — Нет, старую, вулгарную, невыразимую средиземноморскую атмосферу жидкой бумажки! — сказал Берт. — И это говорит женщине! А, Манни? — В притворном отчаянии он теат-

рально приподнял одну бровь. — Ты никогда не думал о том, как нам повезло, когда мы зашли в эту картинную галерею во Флоренции и встретили Марту! Представляешь, во что превратилось бы наше лето! Мы были бы отданы на растерзание своре европейских хищниц: деконструированным итальянским кинозвездам, толстым французским интуристками и рылыми разведенными американками с голыми глазами. Сознаться, толстак, разве ты не чувствуешь сейчас неземное спокойствие?

— Где это ты научился так говорить! — спокойно спросила Марта, поднося ко рту бутылку с вином.

— Моя астма была проповедником в Теннесси. Он учил меня бояться господа, читать Библию, пить кукурузную водку и говорить гармоничными предложениями. — Берт встал и бросил ножку шпелленка в Атлантический океан.

— Кочевь сыра! — спросила Марта.

— С горчицей, — Берт взял сел и задумчиво посмотрел на Манни. — Как ты думаешь: мы действительно так счастливы или это только кажется нам? Старая философская жалоба — иллюзия или реальность? Действительно ли эта стена каменная? — с пафосом спросил он. — Океан голубой, вода морская, тепло ли эта девушка прекрасна? Пьем ли мы доброе французское вино, или же это уксус, смешанный с кровью и морской водой? Кто мы: трое сверхпривилегированных белокожих молодых туристов или же, сами того не зная, несчастные беглецы, сбежавшие спешно к морю!

Манни мечтательно улыбался. Сам он всегда говорил только то, что думал, не больше. Но риторические припадки Берта забавляли его.

Берт помахивал виной бутылкой и широко улыбался.

— Я, наверное, организую новый способ обслуживания туристов. Незасезонные туры по заброшенным курортам... Как ты думаешь, Манни, твои отец согласится раскошеливаться, чтобы мы могли начать дело?

Он был уверен, что Манни странно гордо и готов использовать необычные деловые предложения Берта. Например, вырастить авокадо около Граса или же соорудить в испанских Гиренах лыжный подъемник. Все проекты Берта, кроме крупных капиталовложений отца Манни, предусматривали постоянное пребывание в Европе их автора в качестве управляющего.

— Манни, — сказал Берт, — не посылать ли нам твоему отцу телеграмму?

— Нет, — твердо ответил Манни.

— Зачем ему столько денег? Все равно не избежит печального конца, когда они окажутся в руках наследников. Ну ладно, придумаем что-нибудь другое. В конце концов, есть много способов делать доллары. — Он задумчиво посмотрел на Марту. — Известно ли тебе, что ты потенциальный источник огромных доходов?

— Я собирался пожертвовать свое тело науке в возрасте восьмидесяти пяти лет.

— Главное, — сказал Берт, — не выходи замуж за американку. Америка — неподходящее место для крутых дел. Ты будешь становиться слишком маленьким, прислуживаясь очень дорогой. Красивой женщине лучше жить в стране, которая немного разлагается и имеет не очень устойчивую экономику. Например, во Франции. Ты можешь выйти замуж за сорочка-клячу, но обладателя усов и больших феодальных поместий на холмистых берегах Луары. Замечательная охота осенью, отличные виноградники и десятки слуг, которые снимают шапки и кланяются, когда ими проезжает господская колеска. Чтобы жене не было скучно, можно нанять подружку и использовать в имение твоих друзей. Кроме того, он будет часто оставлять тебя одну, чтобы съездить в Париж по делам и показать врачу свою плечень.

— А какова твоя роль во всем этом? — спросила Марта.

— Будет одним из друзей, — сказала Манни. Ему не нравился разговор, совсем не нравился. Он был даже уверен: выйдет Марта за богатого старика — Берт это одобрит. Ведь совсем недавно он рассуждал: «Очень важно знать свои сильные стороны и использовать их так, чтобы не страдать от невинности своей работы. Твоя сильная сторона, — он улыбнулся Марте, — красота. Ты можешь почти бес-

ТРОЕ

— Правило номер один, — сказал Берт, — Никаких осложнений. Мы с Манни старые друзья и не хотим, чтобы все это кончилось драматично. Я знаю женщину. — Он остановился, ожидая, что кто-нибудь улыбнется.

— Что ты знаешь о женщине! — серьезно спросила Марта.

— То, что они всегда заняты выбором. Я даже могу сказать, кого бы ты выбрала: Манни или меня.

— Скажи, обязательно скажи! — Сначала ты склонилась было в мою сторону. Почему, я скажу как-нибудь позже; но вскоре вперед оказался бы Манни.

— Бедный Берт, — засмеялась Марта, — как ужасно! Выигрывать только первый матч в сезоне. Зачем ты говоришь это? — Потому что ты должна дать обещание не выбирать, — ответил Берт, — а если выберешь, унести эту тайну с собой в могилу.

— В могилу! — торжественно повторила Марта.

— До отплытия парохода мы братья и сестра. Согласна?

— Согласна.

— Правило номер два, — продолжал Берт, — Если через некоторое время мы почувствуем, что ты нам мешаешь, мы говорим «до свидания», и ты уезжаешь. Без слез. Без сцен. Просто дружеское пожатие руки. Согласна?

— Согласна.

— Правило номер три. Каждый оплачивает ровно треть расходов.

— Разумеется.

— Правило номер четыре. Каждый свободен идти туда, куда он или она хочет и с кем хочет. Никаких вопросов. Нерезультативные компании лучше скучны. О'кей?

Они покинули друг друга руки и на следующее утро уехали, с трудом заглянув Марту в маленький автомобиль. Манни и призывая на крышу ее багаж. Все шло превосходно. За

предельно эксплуатировать мужчину. У меня две сильные стороны, но они не так широки. Это — обаяние, — оно улыбнулось еще шире, как бы смеясь над самим собой, — и, кроме того, мне на все времена, — это, конечно, не поладусь на дешевую приманку, и с этим можно добиться многого. Ну, а Манин, — он с сомнением покачал головой, — его сильная сторона — добродетель. Бедняга, что он будет с добродетелью делать?

— Скажи, сидишь ли ты на полотенце и вымываешь с ветки виноградные ягоды, Берт опять кал какал головой:

— Нет, я не буду одним из приглашаемых гостей. У меня будет вполне определенное положение. Я управляющий индийским сервисом в чужд-американском, которому нравиться жить во Франции, на берегах красивой реки. Я разгуливаю в старой куртке, слегка похаживающей лошадыми, и отпускаю едкие замечания о том, до чего же докатился теперь мир. Когда козлий отступает в игровую у камня с его супругой в трикотаж, а вечером поднимаюсь по лестнице и разлезаю ее в старинной, доставшейся от предков кровати...

— Оу — воскликнула Марта, — какая идиллия! Каждому из вас, — и Манин, и Берт, — прозвонил Берт, — собственное слово, идиллия.

Манин было очень неловко, а когда он услышал, что Марта смеется, стало совсем не по себе. Он встал.

— Поищу место, где можно вздремнуть. — Манин взял внаглую полотенце, сосредоточив взгляд на тридцать. Растянувшись на гладком, теплом от солнца камне, он снова услышал смех Марты и Берта, тихий и интимный.

Закрыв глаза от спящего света, Манин подумал, что ему больше всего хотелось бы доточиться в какой-нибудь определенной части тела; нет, она все время как-то странно ускользала. Только что ему казалось: она здесь, в горле, — а она уже исчезала, но лишь для того, чтобы сваять его своим острыми когтями где-нибудь в другом месте. Вдруг Манин понял, что это не боль, а тоска.

Тоска глубокая и сложная. Это и ощущение потери, и тень надвигающегося разлуки, и печаль воспоминаний, и беспорядок чувств, более глубокий, чем тоска. Манин знал, что если бы Марта перестала смеяться с Бертом, встала, прошла по стене тридцать ярдов к тому месту, где он сейчас лежал, села рядом и взяла за руку, эта тоска мгновенно исчезла бы.

Близко Манин почувствовал, что знает, как ему поступить. На пароходе все соглашения потеряют силу, и он напишет Марте письмо с предложением выйти за него замуж. Он начал неуклюже сочинять в уме свое послание: «Мерзавец, тебя удивит это письмо, ведь все лето я не сказал ни слова. Да и сам долго не понимал, что происходит со мной, и, кроме того, Берт, ты и я договорились во Флоренции, чтобы все было на чисто дружеской основе. Но теперь, на пароходе, я могу сказать тебе о своих чувствах. Я люблю тебя, Берт, чтобы ты стала моей женой. Как только вернусь домой, я начну работать, и тогда ты сможешь приехать в Америку и познакомиться с моей семьей и всеми...»

«Давнее письмо было шло. Он предстает, как его мать разговаривает за чашем с Мартой: «Так ваша мама живет в Филадельфии? А отец! О! Обязательно попробуйте эти пирожки. Так значит, вы познакомились с Манином во Флоренции, а потом вместе с ним и Бертом уехали в Европу? Лисам, спасибо!»

Манин покачал головой и опять вернулся к письму: «Однажды ты сказала, что не знаешь, что делать с собой, и ждешь откровения, которое направит тебя по правильному пути. Хочет быть, смешно предлагать себя в качестве откровения, но, возможно, если ты станешь моей женой, тебе...»

Манин с отвращением покачал головой. «Боже, даже если бы она была по уши влюблена в меня — по уши, — один из твоих глаз может беспорочно все испортить». Он открыл глаза и повернул голову, чтобы посмотреть на Берта и Марту. Они сидели близко друг к другу и разговаривали о чем-то тихо, серьезно.

— Да, как вспомнил, как Берт говорил о своих талантах: «У меня есть очарование, и мне на это надеяться». Что ж, с удовлетворением по-

думал Манин, это, во всяком случае, не может очень привлечь ее.

Манин задумал, а в его воображении замелькали теплые, сладостные образы. Вот Марта сидит с самоваром в Абуидиде и бежит прямо в его объятия... Он с Мартой просыпается поздним воскресным утром в своей собственной квартире и решают вздремнуть еще часик, а потом отправиться куда-нибудь завтракать... Опирается на спинку, и Манин и Берт, и на мгновение нудают обидительная и в то же время завистливая тишина. Она так прекрасна! Марта...

Кто-то кричал. Кричал издалека.

Манин открыл глаза, заморгав, думая: «Кто может кричать в мой снах?». Встал вскрикнув. Манин встал и посмотрел в трюстах. На воде, по меньшей мере явдался в трюстах от Берта, виднелась перевернутая лодка. Это была та самая плоскодонка, которую они приметили раньше. За ее дно цеплялся дословно люд.

Манин глянул на Берта и Марту. Вытащившись на полотенце, касаясь друга другого глазами, они спали. Их тела были похожи на широкую букву У.

— Кто-то кричал. Кричал издалека. Манин, показывая пальцем, выдохнул.

— Не вставая, Берт повернулся и посмотрел на перевернувшуюся лодку и почти скрывшись под водой фигурой, которые пригнули к ней: мужчине и женщине.

— Кто-то кричал. Кто они делают? — Он стал толкать Марту: — Приснись смотреть кораблекрушение!

Друг Манин увидел, как мужчина оттолкнулся от лодки и поплыл к берегу. Он плыл медленно и каждые тридцать секунд останавливался, чтобы отдышаться. Скрывался под водой, потом, поднимая фонтан брызг, снова появлялся на поверхности.

— Ого! — воскликнул Берт. — Да ведь он бросил женщину!

— Да, но он все равно предостерег добрых триста ярдов. Женщина, повиснув на лодке, тоже время от времени кричала.

— Кажется, все в порядке, — сказал Берт. — Гребет он довольно сильно.

— Ему придется объясниться, — вставила Марта, — пока он не бросил свою девушку.

— Пока они смотрели, человек: опять погружился и долго не показывался над водой. Манин почувствовал, как переисхватил по рту. Человек вынырнул и снова закричал. Теперь было ясно, что кричит он именно криком.

Манин быстро осмотрел плак и кричал. Ни лодки и ни души. Казалось, во всем мире, кроме камня, песка и моря, остались только они втроем на стене, пронзительно и сердито кричащая женщина, которая цеплялась за дно перевернувшейся лодки, и этот человек в воде.

Манин почти смущенно глянул на Берта и Марту. На лбу у Марты появились морщинки. С отсутствующим видом, походя на маленькую девочку, она спросила, задумавшись над задачей, она грызла ногти большого пальца. Берт смотрел без особого интереса, как будто перед ним был акробат из трюктерязрядного цирка.

— Идиот! — спокойно прозвонил он. — Если не увидишь управляет лодкой, сиди на берегу.

— Это французцы, — сказала Марта. — Им кажется, что они все могут.

Человек опять закричал.

— Что нам делать? — спросил Манин.

Этого морзянина надо как следует отчитать, когда он вылезет на берег, — ответил Берт.

Манин посмотрел на лодку. Теперь он двигался еще медленнее и после каждого гребка замечаете погружался в воду.

— Вряд ли он доплывет, — подумал вслух Манин.

— Тогда ему будет совсем плохо, — заметил Берт.

Марта молчала.

Манин проглотил сухой комочек, стоявший в рту. Он уже предостерегал себе Берта и Марту перед французским полицейским. «Итак, — говорит полицейский, — вы видели, как джентльмен, находясь на некотором рас-

стоянии от берега, сначала махал вам руками, а потом исчез? Что же было предпринято вами?»

«Мм... мы приносили суда и зашлили. «А...» Кончилось проталкиванием... рука... Пожалуйста, встав паспорта. — Быстрое шурышние страниц, затем короткий взгляд с иронической улыбкой. — Ах, американцы...»

— Надо вытаскивать его, — сказал Манин. Манин быстро пошел по стене к узкой лестнице, спускавшейся на пляж. Он не бежал, потому что не хотел сбивать дыхание перед тем, как войти в воду.

— Манин! — услышал он сзади крик Берта. — Не будь идиотом. Уже спускался по крутой лестнице, скользя от росога на ней мха, он заметил, что Марта не сказала ему ни слова. Вынизу, на уровне воды, казалась, что до тонущего значительно дальше, чем двести пятьдесят ярдов. Манин сбавил темп, чтобы не дать себя рубашку и снял брюки, оставшись в одних трусах. Заходя в воду, сплутнулся об острые камни, и от боли на глазах у него выскочили слезы. Вода была холодная. Манин старался плыть, все время тыкая кулаком в воду, чтобы сохранить силы к тому моменту, когда достигнет утопающего. Иногда поднимал голову, чтобы посмотреть, далеко ли отплыл, и каждый раз ему казалось, что он едва свалился с места. Было очень трудно плыть прямо, все время тыкая кулаком в сторону. Он посмотрел вверх на стену, куда Берта и Марту, и не увидел их. На мгновение его охватила дрожь. Черт возьми, они бежали! Теряя драгоценные секунды, Манин повернулся на спину.

Начали уставать руки. Этого ни не может быть, — подумал он. — Я не проплыл еще пятьдесят ярдов! И все же его руки глухи или. Правую шее сводило. Он вспомнил, что совсем недавно поше. Мать всегда говорила: «После долгого купания в море, когда выйдешь из воды, — она любилась сидеть на маленькой деревянной скамейке под пологом зонтика и смотреть, как на узком каменистом пляже играют дети.

Тела уже шли ниле ше и низ затыла. Манин где-то слышал, что если утопающий схватился за твою шею, нужно ударить его в подбородок и оттолкнуть. Он сжал французку, чтобы тут успокоился, потом сваянет его за волосы и, плывя на боку, будет тыкать за собой. Кожа, если ты поймаешь. Французы очень плохо понимают его.

Манин ллжал тыкать и медленно. От соленой воды начало щипать глаза. Еще пятьдесят ярдов, решил он, и можно будет остановиться и осмотреться.

— Начал считать. Четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, — «Боже, — подумал Манин, — а что если он лмсий? Он попытался вспомнить, как выглядела издалека голова мужчины. «Лмсий, — с отчаянием решил Манин. — Все идет к черту...»

Он опять стал считать гребки. Дойдя до тридцати пятно, почувствовал, что должен на некоторое время остановиться. Задыхаясь, он вынырнул из воды. Французка не было. «Боже мой, если ты поймаешь.

Вдруг он услышал журчание воды и повернул голову. От того места, где Манин в последний раз видел утопающего, шла рыбачья лодка, направляясь к перевернутой плоскодонке. Манин видел, как лодка остановилась и два рыбака вытаскивали из воды женщину. Наверное, это суданьчико было скрыто раньше маленьким миссом. Оно вошло в бутку, а Манин, не замечая, плыл дальше и дальше в море.

Рыбаки взяли плоскодонку на бундир и направились к Манин. Он видел этого же легкого судорожно хвятило водоем. Вблизи лодка казалась большой и надежной. Манин, собрав все силы, помахал рукой.

— В порядке! — улыбаясь, крикнул ему один из рыбаков.

Манин ухалось изобразить на лице ответную улыбку.

— Все хорошо, очень хорошо...

Рыбак бросил Манни веревку.

Манни с вожделением посмотрел на нее. Потом покачал головой. Нет, уж этого-то сегодня не случится: его не вытаски из воды погулявшему, вместе с этой женщиной...

— Я о'кэй! — крикнул Манни. — Я хочу плыть!

— О'кэй, о'кэй! — Рыбак засмеялся, как будто сказал что-то очень остроумное.

Он вытаскил обратно веревку, помахал Манни рукой, и лодка, таща за собой плоскодонку, повернула к гавани. «Что ж, — подумал Манни, глядя на удаляющуюся лодку, — по крайней мере, они меня поняли».

Потом он обернулся и посмотрел на пляж. Казалось, что до него много-много миль, и Манни с удивлением подумал о том, как он смог так далеко заплыть. На пляже, у самой воды, на фоне форта стояли Берт и Марта — маленькие, резко очерченные фигурки, отбрасывавшие длинные тени под лучами сияющего солнца.

Сделав глубокий вдох, Манни поплыл обратно.

Очень часто приходилось отдыхать на спине.

Наконец, опустив ноги, он ощутил дно. Он оттолкнулся и упрямо продолжал плыть дальше, до тех пор, пока пальцы рук не коснулись песка.

Потом он встал. Немного пошатнулся, выпрямился и, заставляя себя улыбаться, медленно пошел к тому месту, где стояли Берт и Марта.

— Ну, герой, — с иронией сказал Берт, — когда вернемся в отель, напомни, чтобы я представил тебя к ордену Почетного Легиона с водорослями.

Наклонившись за одеждой, Манни услышал, что Марта смеется. Это был тот же смех, который после завтрака на стене заставлял его уйти.

До отеля они ехали молча. Когда Берт позвал его обедать, Манни сослался на отсутствие аппетита.

— Заехать за тобой после обеда? — спросил Берт. — Мы собираемся в казино.

— Нет, — ответил Манни. — Мне не везет сегодня.

Наступило молчание. Потом Берт сказал: — Доброй ночи. Спи спокойно, толстак! — И вышел.

Манни остался один. Он лежал и смотрел в темный потолок, думая: «Я не толстый. К чему это прозвище? Он начал дразнить меня только в середине лета».

Потом Манни опять заснул и проснулся от шума автомобиля, подымавшего к отелю. Он услышал на лестнице тихие шаги. Вот они прошли мимо его двери, поднялись этажом выше. Открылась и тихо захлопнулась дверь. Он заставил себя закрыть глаза и попытаться уснуть.

Проснувшись, он почувствовал, что ему лучше. Включил лампу и посмотрел на кровать Бerta. Она была пуста. Он взглянул на часы: половина пятого.

Манни встал, закурил сигарету и подошел к окну. Луна уже заходила, с молочного моря доносилось ровное ворчанье, напоминавшее жалобы старика на оставшуюся позавчера жизнь. На мгновение он представлял, где бы был сейчас, не появившись из-за миса рыбачья лодка. Потом погасил сигарету и начал собираться. Это не заняло много времени: здесь лето они путешествовали налегке.

Собравшись, он проверил, здесь ли ключ от машины. Затем оставил короткую записку Берт, в которой написал, что хочет попытаться не опоздать на парад и надеется, что это не будет очень неудобным для Бerta. Берт поймет. О Марте он не упоминал.

В кинизан лежал туман, и он ехал медленно. Мерные вздохи стеклоочистителя, яркий влажный свет фар на дороге почти гипнотизировали его, и Манни вел машину, совсем ни о чем не думая.

Только проехав Байону, когда уже заблестел рассвет, он разрешил себе вспомнить этот день и эту ночь. И все, что он мог подумать, было: «Это моя ошибка. Ведь я прибыл и лету этот день».

Сокращенный перевод с английского
Д. СОЛОВЬЕВА.

Кармен де Трина и Фернандо Барроне исполняют фрагмент из «Престыльной сиксты».

Несколько недель пробывли кубинские артисты в Советском Союзе. Они приехали и нам из Вены, где принимали участие в VII Всемирном фестивале. Посланицы молодежи всего мира теплыми своей родиной, грациозные и темпераментные кубинские танцы. Выступления молодых кубинцев пользовались не меньшим успехом и в нашей стране. Советским людям пришлось по душе своеобразное и впечатляющее искусство этой миниэрадовой группы юношей и девушек из далекой Кубы — свободной страны, музистенно отстаивающей свою национальную независимость. Особенно большой успех выпал на долю певицы Марии Антонио Тунон, танцовщицы Соли Иалерс, Элены дель Куэто и Мены Мартинес, которая только недавно окончила Ленинградское хореографическое училище. На одном из концертов в Ленинграде присутствовали русские подруги кубинской девушки. После каждого номера в зале раздавались возгласы: «Вива Куба!»

Под аккомпанемент тамбурина звучит пронзительный голос Осальдо Петуго.

«Негритянка колыбельная» в исполнении Антонио Тунон по настоящему волнует...

«Старинная хабанера» — коронный номер Мены Мартинес.

Фото М. Муразова.

ПОБЕДИТЕЛИ ШЕСТОГО РАЗДЕЛА

Наша четвертая олимпиада завершилась захватывающей викториной. Судя по многочисленным отличным читателям, этот заключительный раздел звучного соревнования вызвал большой интерес. Но достаточно сказать, что на четырнадцать вопросов викторины прислали ответы свыше 1 200 участников олимпиады.

Жюри определило 40 человек, которые, набрав от 12 до 19 баллов из 20 возможных, будут награждены специальными дипломами. Вот имена победителей:

по 19 баллов набрали И. Варченко (г. Миргород), В. Ваших (г. Азовск), К. Свиричев (г. Алаш-Ата), В. Сироткин (г. Горький).

по 18 баллов — Н. Алексеев (г. Нижняя Тагил), В. Турчинов (г. Ленинград), Н. Баранов (пос. Кордон, Пермской области).

по 17 баллов — А. Васильева (г. Ленинград), А. Забара (г. Мурманск), Д. Зайцев (г. Хабаровск), И. Спасаренко (г. Москва), С. Стрелнин (г. Северодвинск, Архангельская область).

по 17 баллов — В. Белов (пос. Курино, Московской области), А. Гауцки (г. Одесса), Ю. Мавроин (г. Пермь), Р. Мавдин (г. Тбилиси), С. Чухов (пос. Халик-Абад, Ташкентской области).

по 16 баллов — Я. Германев (г. Мадона, Латвийской ССР), В. Горюнов (г. Восток), А. Григорий (г. Кабан, Армянской ССР), В. Журавлев (пос. Поноярское, Приморского края).

по 15 баллов — В. Гарбузов (г. Вологда), А. Голов (г. Пермь), В. Жданов (пос. Покосты, Брянской области), В. Колесников (г. Сталино), В. Оселер (г. Харьков).

по 14 баллов — В. Антонов (г. Видный Волочек, Калининской области), В. Ашурин (г. Казань), А. Григорьев, Н. Лукин (г. Г. Фрунзе), В. Савинов (ст. Агтасар, Амурской области), Г. Утин-

лов (г. Комсомольск-на-Амуре), С. Ченцов (Долгоруковск, Московской области), Н. Шацков (гос. Орлово, Ленинградская область), по 13 баллов — В. Глухов (г. Ленинград), В. Голубев (ст. Луки, Курской области), Д. Демуков (г. Тюмень), Г. Восточников (г. Ленинград), В. Петров (г. Вологодская область), Г. Митраделов (г. Алаш-Ата), В. Печалин (г. Никозия, Кипрская на-Амуре).

ОТВЕТЫ НА ВИКТОРИНУ

1. «Нужно дорожить не выигранным, а интересным комбинацией». Шахматы — прекрасное различие: за игрой мы отдаем от работы и забываем о своих невзгодах». Это высказывание принадлежит великому русскому писателю Л. Н. Толстому.

2. «Влагодарю, душа моя, что в шахматы учишься. Это непременно нужно во всяком благоустроенном семействе; дождусь после...» Так писал в одном из своих писем и жене в 1832 году великий русский поэт А. С. Пушкин.

3. В позиции (белые — Край, Ф47, С41, К88, пп. 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, черные — Кр7, Ф45, Л48, Л11, С75, С82, А5, К18, пп. 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86) белые добиваются победы оригинальным путем: 1. Ф43 + Кр62 2. Ф43 + Кр62 3. Ф43 + Кр62 4. Кр3 + Ф2 5. Ф2 + Кр62 6. Кр4 + С4 7. Ф4 + Кр62 7. Ф4 + Кр62 8. Ф4 + Кр62 9. Ф4 + Кр62 10. Ф4 + Кр62 11. Ф4 + Кр62 12. Ф4 + Кр62 13. Ф4 + Кр62 14. Ф4 + Кр62 15. Ф4 + Кр62 16. Ф4 + Кр62 17. Ф4 + Кр62 18. Ф4 + Кр62 19. Ф4 + Кр62 20. Ф4 + Кр62 21. Ф4 + Кр62 22. Ф4 + Кр62 23. Ф4 + Кр62 24. Ф4 + Кр62 25. Ф4 + Кр62 26. Ф4 + Кр62 27. Ф4 + Кр62 28. Ф4 + Кр62 29. Ф4 + Кр62 30. Ф4 + Кр62 31. Ф4 + Кр62 32. Ф4 + Кр62 33. Ф4 + Кр62 34. Ф4 + Кр62 35. Ф4 + Кр62 36. Ф4 + Кр62 37. Ф4 + Кр62 38. Ф4 + Кр62 39. Ф4 + Кр62 40. Ф4 + Кр62 41. Ф4 + Кр62 42. Ф4 + Кр62 43. Ф4 + Кр62 44. Ф4 + Кр62 45. Ф4 + Кр62 46. Ф4 + Кр62 47. Ф4 + Кр62 48. Ф4 + Кр62 49. Ф4 + Кр62 50. Ф4 + Кр62 51. Ф4 + Кр62 52. Ф4 + Кр62 53. Ф4 + Кр62 54. Ф4 + Кр62 55. Ф4 + Кр62 56. Ф4 + Кр62 57. Ф4 + Кр62 58. Ф4 + Кр62 59. Ф4 + Кр62 60. Ф4 + Кр62 61. Ф4 + Кр62 62. Ф4 + Кр62 63. Ф4 + Кр62 64. Ф4 + Кр62 65. Ф4 + Кр62 66. Ф4 + Кр62 67. Ф4 + Кр62 68. Ф4 + Кр62 69. Ф4 + Кр62 70. Ф4 + Кр62 71. Ф4 + Кр62 72. Ф4 + Кр62 73. Ф4 + Кр62 74. Ф4 + Кр62 75. Ф4 + Кр62 76. Ф4 + Кр62 77. Ф4 + Кр62 78. Ф4 + Кр62 79. Ф4 + Кр62 80. Ф4 + Кр62 81. Ф4 + Кр62 82. Ф4 + Кр62 83. Ф4 + Кр62 84. Ф4 + Кр62 85. Ф4 + Кр62 86. Ф4 + Кр62 87. Ф4 + Кр62 88. Ф4 + Кр62 89. Ф4 + Кр62 90. Ф4 + Кр62 91. Ф4 + Кр62 92. Ф4 + Кр62 93. Ф4 + Кр62 94. Ф4 + Кр62 95. Ф4 + Кр62 96. Ф4 + Кр62 97. Ф4 + Кр62 98. Ф4 + Кр62 99. Ф4 + Кр62 100. Ф4 + Кр62 101. Ф4 + Кр62 102. Ф4 + Кр62 103. Ф4 + Кр62 104. Ф4 + Кр62 105. Ф4 + Кр62 106. Ф4 + Кр62 107. Ф4 + Кр62 108. Ф4 + Кр62 109. Ф4 + Кр62 110. Ф4 + Кр62 111. Ф4 + Кр62 112. Ф4 + Кр62 113. Ф4 + Кр62 114. Ф4 + Кр62 115. Ф4 + Кр62 116. Ф4 + Кр62 117. Ф4 + Кр62 118. Ф4 + Кр62 119. Ф4 + Кр62 120. Ф4 + Кр62 121. Ф4 + Кр62 122. Ф4 + Кр62 123. Ф4 + Кр62 124. Ф4 + Кр62 125. Ф4 + Кр62 126. Ф4 + Кр62 127. Ф4 + Кр62 128. Ф4 + Кр62 129. Ф4 + Кр62 130. Ф4 + Кр62 131. Ф4 + Кр62 132. Ф4 + Кр62 133. Ф4 + Кр62 134. Ф4 + Кр62 135. Ф4 + Кр62 136. Ф4 + Кр62 137. Ф4 + Кр62 138. Ф4 + Кр62 139. Ф4 + Кр62 140. Ф4 + Кр62 141. Ф4 + Кр62 142. Ф4 + Кр62 143. Ф4 + Кр62 144. Ф4 + Кр62 145. Ф4 + Кр62 146. Ф4 + Кр62 147. Ф4 + Кр62 148. Ф4 + Кр62 149. Ф4 + Кр62 150. Ф4 + Кр62 151. Ф4 + Кр62 152. Ф4 + Кр62 153. Ф4 + Кр62 154. Ф4 + Кр62 155. Ф4 + Кр62 156. Ф4 + Кр62 157. Ф4 + Кр62 158. Ф4 + Кр62 159. Ф4 + Кр62 160. Ф4 + Кр62 161. Ф4 + Кр62 162. Ф4 + Кр62 163. Ф4 + Кр62 164. Ф4 + Кр62 165. Ф4 + Кр62 166. Ф4 + Кр62 167. Ф4 + Кр62 168. Ф4 + Кр62 169. Ф4 + Кр62 170. Ф4 + Кр62 171. Ф4 + Кр62 172. Ф4 + Кр62 173. Ф4 + Кр62 174. Ф4 + Кр62 175. Ф4 + Кр62 176. Ф4 + Кр62 177. Ф4 + Кр62 178. Ф4 + Кр62 179. Ф4 + Кр62 180. Ф4 + Кр62 181. Ф4 + Кр62 182. Ф4 + Кр62 183. Ф4 + Кр62 184. Ф4 + Кр62 185. Ф4 + Кр62 186. Ф4 + Кр62 187. Ф4 + Кр62 188. Ф4 + Кр62 189. Ф4 + Кр62 190. Ф4 + Кр62 191. Ф4 + Кр62 192. Ф4 + Кр62 193. Ф4 + Кр62 194. Ф4 + Кр62 195. Ф4 + Кр62 196. Ф4 + Кр62 197. Ф4 + Кр62 198. Ф4 + Кр62 199. Ф4 + Кр62 200. Ф4 + Кр62 201. Ф4 + Кр62 202. Ф4 + Кр62 203. Ф4 + Кр62 204. Ф4 + Кр62 205. Ф4 + Кр62 206. Ф4 + Кр62 207. Ф4 + Кр62 208. Ф4 + Кр62 209. Ф4 + Кр62 210. Ф4 + Кр62 211. Ф4 + Кр62 212. Ф4 + Кр62 213. Ф4 + Кр62 214. Ф4 + Кр62 215. Ф4 + Кр62 216. Ф4 + Кр62 217. Ф4 + Кр62 218. Ф4 + Кр62 219. Ф4 + Кр62 220. Ф4 + Кр62 221. Ф4 + Кр62 222. Ф4 + Кр62 223. Ф4 + Кр62 224. Ф4 + Кр62 225. Ф4 + Кр62 226. Ф4 + Кр62 227. Ф4 + Кр62 228. Ф4 + Кр62 229. Ф4 + Кр62 230. Ф4 + Кр62 231. Ф4 + Кр62 232. Ф4 + Кр62 233. Ф4 + Кр62 234. Ф4 + Кр62 235. Ф4 + Кр62 236. Ф4 + Кр62 237. Ф4 + Кр62 238. Ф4 + Кр62 239. Ф4 + Кр62 240. Ф4 + Кр62 241. Ф4 + Кр62 242. Ф4 + Кр62 243. Ф4 + Кр62 244. Ф4 + Кр62 245. Ф4 + Кр62 246. Ф4 + Кр62 247. Ф4 + Кр62 248. Ф4 + Кр62 249. Ф4 + Кр62 250. Ф4 + Кр62 251. Ф4 + Кр62 252. Ф4 + Кр62 253. Ф4 + Кр62 254. Ф4 + Кр62 255. Ф4 + Кр62 256. Ф4 + Кр62 257. Ф4 + Кр62 258. Ф4 + Кр62 259. Ф4 + Кр62 260. Ф4 + Кр62 261. Ф4 + Кр62 262. Ф4 + Кр62 263. Ф4 + Кр62 264. Ф4 + Кр62 265. Ф4 + Кр62 266. Ф4 + Кр62 267. Ф4 + Кр62 268. Ф4 + Кр62 269. Ф4 + Кр62 270. Ф4 + Кр62 271. Ф4 + Кр62 272. Ф4 + Кр62 273. Ф4 + Кр62 274. Ф4 + Кр62 275. Ф4 + Кр62 276. Ф4 + Кр62 277. Ф4 + Кр62 278. Ф4 + Кр62 279. Ф4 + Кр62 280. Ф4 + Кр62 281. Ф4 + Кр62 282. Ф4 + Кр62 283. Ф4 + Кр62 284. Ф4 + Кр62 285. Ф4 + Кр62 286. Ф4 + Кр62 287. Ф4 + Кр62 288. Ф4 + Кр62 289. Ф4 + Кр62 290. Ф4 + Кр62 291. Ф4 + Кр62 292. Ф4 + Кр62 293. Ф4 + Кр62 294. Ф4 + Кр62 295. Ф4 + Кр62 296. Ф4 + Кр62 297. Ф4 + Кр62 298. Ф4 + Кр62 299. Ф4 + Кр62 300. Ф4 + Кр62 301. Ф4 + Кр62 302. Ф4 + Кр62 303. Ф4 + Кр62 304. Ф4 + Кр62 305. Ф4 + Кр62 306. Ф4 + Кр62 307. Ф4 + Кр62 308. Ф4 + Кр62 309. Ф4 + Кр62 310. Ф4 + Кр62 311. Ф4 + Кр62 312. Ф4 + Кр62 313. Ф4 + Кр62 314. Ф4 + Кр62 315. Ф4 + Кр62 316. Ф4 + Кр62 317. Ф4 + Кр62 318. Ф4 + Кр62 319. Ф4 + Кр62 320. Ф4 + Кр62 321. Ф4 + Кр62 322. Ф4 + Кр62 323. Ф4 + Кр62 324. Ф4 + Кр62 325. Ф4 + Кр62 326. Ф4 + Кр62 327. Ф4 + Кр62 328. Ф4 + Кр62 329. Ф4 + Кр62 330. Ф4 + Кр62 331. Ф4 + Кр62 332. Ф4 + Кр62 333. Ф4 + Кр62 334. Ф4 + Кр62 335. Ф4 + Кр62 336. Ф4 + Кр62 337. Ф4 + Кр62 338. Ф4 + Кр62 339. Ф4 + Кр62 340. Ф4 + Кр62 341. Ф4 + Кр62 342. Ф4 + Кр62 343. Ф4 + Кр62 344. Ф4 + Кр62 345. Ф4 + Кр62 346. Ф4 + Кр62 347. Ф4 + Кр62 348. Ф4 + Кр62 349. Ф4 + Кр62 350. Ф4 + Кр62 351. Ф4 + Кр62 352. Ф4 + Кр62 353. Ф4 + Кр62 354. Ф4 + Кр62 355. Ф4 + Кр62 356. Ф4 + Кр62 357. Ф4 + Кр62 358. Ф4 + Кр62 359. Ф4 + Кр62 360. Ф4 + Кр62 361. Ф4 + Кр62 362. Ф4 + Кр62 363. Ф4 + Кр62 364. Ф4 + Кр62 365. Ф4 + Кр62 366. Ф4 + Кр62 367. Ф4 + Кр62 368. Ф4 + Кр62 369. Ф4 + Кр62 370. Ф4 + Кр62 371. Ф4 + Кр62 372. Ф4 + Кр62 373. Ф4 + Кр62 374. Ф4 + Кр62 375. Ф4 + Кр62 376. Ф4 + Кр62 377. Ф4 + Кр62 378. Ф4 + Кр62 379. Ф4 + Кр62 380. Ф4 + Кр62 381. Ф4 + Кр62 382. Ф4 + Кр62 383. Ф4 + Кр62 384. Ф4 + Кр62 385. Ф4 + Кр62 386. Ф4 + Кр62 387. Ф4 + Кр62 388. Ф4 + Кр62 389. Ф4 + Кр62 390. Ф4 + Кр62 391. Ф4 + Кр62 392. Ф4 + Кр62 393. Ф4 + Кр62 394. Ф4 + Кр62 395. Ф4 + Кр62 396. Ф4 + Кр62 397. Ф4 + Кр62 398. Ф4 + Кр62 399. Ф4 + Кр62 400. Ф4 + Кр62 401. Ф4 + Кр62 402. Ф4 + Кр62 403. Ф4 + Кр62 404. Ф4 + Кр62 405. Ф4 + Кр62 406. Ф4 + Кр62 407. Ф4 + Кр62 408. Ф4 + Кр62 409. Ф4 + Кр62 410. Ф4 + Кр62 411. Ф4 + Кр62 412. Ф4 + Кр62 413. Ф4 + Кр62 414. Ф4 + Кр62 415. Ф4 + Кр62 416. Ф4 + Кр62 417. Ф4 + Кр62 418. Ф4 + Кр62 419. Ф4 + Кр62 420. Ф4 + Кр62 421. Ф4 + Кр62 422. Ф4 + Кр62 423. Ф4 + Кр62 424. Ф4 + Кр62 425. Ф4 + Кр62 426. Ф4 + Кр62 427. Ф4 + Кр62 428. Ф4 + Кр62 429. Ф4 + Кр62 430. Ф4 + Кр62 431. Ф4 + Кр62 432. Ф4 + Кр62 433. Ф4 + Кр62 434. Ф4 + Кр62 435. Ф4 + Кр62 436. Ф4 + Кр62 437. Ф4 + Кр62 438. Ф4 + Кр62 439. Ф4 + Кр62 440. Ф4 + Кр62 441. Ф4 + Кр62 442. Ф4 + Кр62 443. Ф4 + Кр62 444. Ф4 + Кр62 445. Ф4 + Кр62 446. Ф4 + Кр62 447. Ф4 + Кр62 448. Ф4 + Кр62 449. Ф4 + Кр62 450. Ф4 + Кр62 451. Ф4 + Кр62 452. Ф4 + Кр62 453. Ф4 + Кр62 454. Ф4 + Кр62 455. Ф4 + Кр62 456. Ф4 + Кр62 457. Ф4 + Кр62 458. Ф4 + Кр62 459. Ф4 + Кр62 460. Ф4 + Кр62 461. Ф4 + Кр62 462. Ф4 + Кр62 463. Ф4 + Кр62 464. Ф4 + Кр62 465. Ф4 + Кр62 466. Ф4 + Кр62 467. Ф4 + Кр62 468. Ф4 + Кр62 469. Ф4 + Кр62 470. Ф4 + Кр62 471. Ф4 + Кр62 472. Ф4 + Кр62 473. Ф4 + Кр62 474. Ф4 + Кр62 475. Ф4 + Кр62 476. Ф4 + Кр62 477. Ф4 + Кр62 478. Ф4 + Кр62 479. Ф4 + Кр62 480. Ф4 + Кр62 481. Ф4 + Кр62 482. Ф4 + Кр62 483. Ф4 + Кр62 484. Ф4 + Кр62 485. Ф4 + Кр62 486. Ф4 + Кр62 487. Ф4 + Кр62 488. Ф4 + Кр62 489. Ф4 + Кр62 490. Ф4 + Кр62 491. Ф4 + Кр62 492. Ф4 + Кр62 493. Ф4 + Кр62 494. Ф4 + Кр62 495. Ф4 + Кр62 496. Ф4 + Кр62 497. Ф4 + Кр62 498. Ф4 + Кр62 499. Ф4 + Кр62 500. Ф4 + Кр62 501. Ф4 + Кр62 502. Ф4 + Кр62 503. Ф4 + Кр62 504. Ф4 + Кр62 505. Ф4 + Кр62 506. Ф4 + Кр62 507. Ф4 + Кр62 508. Ф4 + Кр62 509. Ф4 + Кр62 510. Ф4 + Кр62 511. Ф4 + Кр62 512. Ф4 + Кр62 513. Ф4 + Кр62 514. Ф4 + Кр62 515. Ф4 + Кр62 516. Ф4 + Кр62 517. Ф4 + Кр62 518. Ф4 + Кр62 519. Ф4 + Кр62 520. Ф4 + Кр62 521. Ф4 + Кр62 522. Ф4 + Кр62 523. Ф4 + Кр62 524. Ф4 + Кр62 525. Ф4 + Кр62 526. Ф4 + Кр62 527. Ф4 + Кр62 528. Ф4 + Кр62 529. Ф4 + Кр62 530. Ф4 + Кр62 531. Ф4 + Кр62 532. Ф4 + Кр62 533. Ф4 + Кр62 534. Ф4 + Кр62 535. Ф4 + Кр62 536. Ф4 + Кр62 537. Ф4 + Кр62 538. Ф4 + Кр62 539. Ф4 + Кр62 540. Ф4 + Кр62 541. Ф4 + Кр62 542. Ф4 + Кр62 543. Ф4 + Кр62 544. Ф4 + Кр62 545. Ф4 + Кр62 546. Ф4 + Кр62 547. Ф4 + Кр62 548. Ф4 + Кр62 549. Ф4 + Кр62 550. Ф4 + Кр62 551. Ф4 + Кр62 552. Ф4 + Кр62 553. Ф4 + Кр62 554. Ф4 + Кр62 555. Ф4 + Кр62 556. Ф4 + Кр62 557. Ф4 + Кр62 558. Ф4 + Кр62 559. Ф4 + Кр62 560. Ф4 + Кр62 561. Ф4 + Кр62 562. Ф4 + Кр62 563. Ф4 + Кр62 564. Ф4 + Кр62 565. Ф4 + Кр62 566. Ф4 + Кр62 567. Ф4 + Кр62 568. Ф4 + Кр62 569. Ф4 + Кр62 570. Ф4 + Кр62 571. Ф4 + Кр62 572. Ф4 + Кр62 573. Ф4 + Кр62 574. Ф4 + Кр62 575. Ф4 + Кр62 576. Ф4 + Кр62 577. Ф4 + Кр62 578. Ф4 + Кр62 579. Ф4 + Кр62 580. Ф4 + Кр62 581. Ф4 + Кр62 582. Ф4 + Кр62 583. Ф4 + Кр62 584. Ф4 + Кр62 585. Ф4 + Кр62 586. Ф4 + Кр62 587. Ф4 + Кр62 588. Ф4 + Кр62 589. Ф4 + Кр62 590. Ф4 + Кр62 591. Ф4 + Кр62 592. Ф4 + Кр62 593. Ф4 + Кр62 594. Ф4 + Кр62 595. Ф4 + Кр62 596. Ф4 + Кр62 597. Ф4 + Кр62 598. Ф4 + Кр62 599. Ф4 + Кр62 600. Ф4 + Кр62 601. Ф4 + Кр62 602. Ф4 + Кр62 603. Ф4 + Кр62 604. Ф4 + Кр62 605. Ф4 + Кр62 606. Ф4 + Кр62 607. Ф4 + Кр62 608. Ф4 + Кр62 609. Ф4 + Кр62 610. Ф4 + Кр62 611. Ф4 + Кр62 612. Ф4 + Кр62 613. Ф4 + Кр62 614. Ф4 + Кр62 615. Ф4 + Кр62 616. Ф4 + Кр62 617. Ф4 + Кр62 618. Ф4 + Кр62 619. Ф4 + Кр62 620. Ф4 + Кр62 621. Ф4 + Кр62 622. Ф4 + Кр62 623. Ф4 + Кр62 624. Ф4 + Кр62 625. Ф4 + Кр62 626. Ф4 + Кр62 627. Ф4 + Кр62 628. Ф4 + Кр62 629. Ф4 + Кр62 630. Ф4 + Кр62 631. Ф4 + Кр62 632. Ф4 + Кр62 633. Ф4 + Кр62 634. Ф4 + Кр62 635. Ф4 + Кр62 636. Ф4 + Кр62 637. Ф4 + Кр62 638. Ф4 + Кр62 639. Ф4 + Кр62 640. Ф4 + Кр62 641. Ф4 + Кр62 642. Ф4 + Кр62 643. Ф4 + Кр62 644. Ф4 + Кр62 645. Ф4 + Кр62 646. Ф4 + Кр62 647. Ф4 + Кр62 648. Ф4 + Кр62 649. Ф4 + Кр62 650. Ф4 + Кр62 651. Ф4 + Кр62 652. Ф4 + Кр62 653. Ф4 + Кр62 654. Ф4 + Кр62 655. Ф4 + Кр62 656. Ф4 + Кр62 657. Ф4 + Кр62 658. Ф4 + Кр62 659. Ф4 + Кр62 660. Ф4 + Кр62 661. Ф4 + Кр62 662. Ф4 + Кр62 663. Ф4 + Кр62 664. Ф4 + Кр62 665. Ф4 + Кр62 666. Ф4 + Кр62 667. Ф4 + Кр62 668. Ф4 + Кр62 669. Ф4 + Кр62 670. Ф4 + Кр62 671. Ф4 + Кр62 672. Ф4 + Кр62 673. Ф4 + Кр62 674. Ф4 + Кр62 675. Ф4 + Кр62 676. Ф4 + Кр62 677. Ф4 + Кр62 678. Ф4 + Кр62 679. Ф4 + Кр62 680. Ф4 + Кр62 681. Ф4 + Кр62 682. Ф4 + Кр62 683. Ф4 + Кр62 684. Ф4 + Кр62 685. Ф4 + Кр62 686. Ф4 + Кр62 687. Ф4 + Кр62 688. Ф4 + Кр62 689. Ф4 + Кр62 690. Ф4 + Кр62 691. Ф4 + Кр62 692. Ф4 + Кр62 693. Ф4 + Кр62 694. Ф4 + Кр62 695. Ф4 + Кр62 696. Ф4 + Кр62 697. Ф4 + Кр62 698. Ф4 + Кр62 699. Ф4 + Кр62 700. Ф4 + Кр62 701. Ф4 + Кр62 702. Ф4 + Кр62 703. Ф4 + Кр62 704. Ф4 + Кр62 705. Ф4 + Кр62 706. Ф4 + Кр62 707. Ф4 + Кр62 708. Ф4 + Кр62 709. Ф4 + Кр62 710. Ф4 + Кр62 711. Ф4 + Кр62 712. Ф4 + Кр62 713. Ф4 + Кр62 714. Ф4 + Кр62 715. Ф4 + Кр62 716. Ф4 + Кр62 717. Ф4 + Кр62 718. Ф4 + Кр62 719. Ф4 + Кр62 720. Ф4 + Кр62 721. Ф4 + Кр62 722. Ф4 + Кр62 723. Ф4 + Кр62 724. Ф4 + Кр62 725. Ф4 + Кр62 726. Ф4 + Кр62 727. Ф4 + Кр62 728. Ф4 + Кр62 729. Ф4 + Кр62 730. Ф4 + Кр62 731. Ф4 + Кр62 732. Ф4 + Кр62 733. Ф4 + Кр62 734. Ф4 + Кр62 735. Ф4 + Кр62 736. Ф4 + Кр62 737. Ф4 + Кр62 738. Ф4 + Кр62 739. Ф4 + Кр62 740. Ф4 + Кр62 741. Ф4 + Кр62 742. Ф4 + Кр62 743. Ф4 + Кр62 744. Ф4 + Кр62 745. Ф4 + Кр62 746. Ф4 + Кр62 747. Ф4 + Кр62 748. Ф4 + Кр62 749. Ф4 + Кр62 750. Ф4 + Кр62 751. Ф4 + Кр62 752. Ф4 + Кр62 753. Ф4 + Кр62 754. Ф4 + Кр62 755. Ф4 + Кр62 756. Ф4 + Кр62 757. Ф4 + Кр62 758. Ф4 + Кр62 759. Ф4 + Кр62 760. Ф4 + Кр62 761. Ф4 + Кр62 762. Ф4 + Кр62 763. Ф4 + Кр62 764. Ф4 + Кр62 765. Ф4 + Кр62 766. Ф4 + Кр62 767. Ф4 + Кр62 768. Ф4 + Кр62 769. Ф4 + Кр62 770. Ф4 + Кр62 771. Ф4 + Кр62 772. Ф4 + Кр62 773. Ф4 + Кр62 774. Ф4 + Кр62 775. Ф4 + Кр62 776. Ф4 + Кр62 777. Ф4 + Кр62 778. Ф4 + Кр62 779. Ф4 + Кр62 780. Ф4 + Кр62 781. Ф4 + Кр62 782. Ф4 + Кр62 783. Ф4 + Кр62 784. Ф4 + Кр62 785. Ф4 + Кр62 786. Ф4 + Кр62 787. Ф4 + Кр62 788. Ф4 + Кр62 789. Ф4 + Кр62 790. Ф4 + Кр62 791. Ф4 + Кр62 792. Ф4 + Кр62 793. Ф4 + Кр62 794. Ф4 + Кр62 795. Ф4 + Кр62 796. Ф4 + Кр62 797. Ф4 + Кр62 798. Ф4 + Кр62 799. Ф4 + Кр62 800. Ф4 + Кр62 801. Ф4 + Кр62 802. Ф4 + Кр62 803. Ф4 + Кр62 804. Ф4 + Кр62 805. Ф4 + Кр62 806. Ф4 + Кр62 807. Ф4 + Кр62 808. Ф4 + Кр62 809. Ф4 + Кр62 810. Ф4 + Кр62 811. Ф4 + Кр62 812. Ф4 + Кр62 813. Ф4 + Кр62 814. Ф4 + Кр62 815. Ф4 + Кр62 816. Ф4 + Кр62 817. Ф4 + Кр62 818. Ф4 + Кр62 819. Ф4 + Кр62 820. Ф4 + Кр62 821. Ф4 + Кр62 822. Ф4 + Кр62 823. Ф4 + Кр62 824. Ф4 + Кр62 825. Ф4 + Кр62 826. Ф4 + Кр62 827. Ф4 + Кр62 828. Ф4 + Кр62 829. Ф4 + Кр62 830. Ф4 + Кр62 831. Ф4 + Кр62 832. Ф4 + Кр62 833. Ф4 + Кр62 834. Ф4 + Кр62 835. Ф4 + Кр62 836. Ф4 + Кр62 837. Ф4 + Кр62 838. Ф4 + Кр62 839. Ф4 + Кр62 840. Ф4 + Кр62 841. Ф4 + Кр62 842. Ф4 + Кр62 843. Ф4 + Кр62 844. Ф4 + Кр62 845. Ф4 + Кр62 846. Ф4 + Кр62 847. Ф4 + Кр62 848. Ф4 + Кр62 849. Ф4 + Кр62 850. Ф4 + Кр62 851. Ф4 + Кр62 852. Ф4 + Кр62 853. Ф4 + Кр62 854. Ф4 + Кр62 855. Ф4 + Кр62 856. Ф4 + Кр62 857. Ф4 + Кр62 858. Ф4 + Кр62 859. Ф4 + Кр62 860. Ф4 + Кр62 861. Ф4 + Кр62 862. Ф4 + Кр62 863. Ф4 + Кр62 864. Ф4 + Кр62 865. Ф4 + Кр62 866. Ф4 + Кр62 867. Ф4 + Кр62 868. Ф4 + Кр62 869. Ф4 + Кр62 870. Ф4 + Кр62 871. Ф4 + Кр62 872. Ф4 + Кр62 873. Ф4 + Кр62 874. Ф4 + Кр62 875. Ф4 + Кр62 876. Ф4 + Кр62 877. Ф4 + Кр62 878. Ф4 + Кр62 879. Ф4 + Кр62 880. Ф4 + Кр62 881. Ф4 + Кр62 882. Ф4 + Кр62 883. Ф4 + Кр62 884. Ф4 + Кр62 885. Ф4 + Кр62 886. Ф4 + Кр62 887. Ф4 + Кр62 888. Ф4 + Кр62 889. Ф4 + Кр62 890. Ф4 + Кр62 891. Ф4 + Кр62 892. Ф4 + Кр62 893. Ф4 + Кр62 894. Ф4 + Кр62 895. Ф4 + Кр62 896. Ф4 + Кр62 897. Ф4 + Кр62 898. Ф4 + Кр62 899. Ф4 + Кр62 900. Ф4 + Кр62 901. Ф4 + Кр62 902. Ф4 + Кр62 903. Ф4 +

Цена номера
2 руб.

